

18+

Татьяна
Воронцова

Время черной звезды

Татьяна Воронцова

Время черной звезды

«Издательство АСТ»

2015

Воронцова Т.

Время черной звезды / Т. Воронцова — «Издательство АСТ»,
2015

ISBN 978-5-17-088236-6

Героиня романа Вероника, спасаясь от преследований обманутого бизнес-партнера и несостоявшегося мужа, бежит из России в Грецию. Там она обращается за помощью к незнакомому человеку, и тот предоставляет ей убежище в деревушке Арахова на склоне горы Парнас. Несмотря на дружелюбие местных жителей, ощущение опасности не покидает Веронику. Что заставляет Деметриоса принимать столь активное участие в ее судьбе, и кто общается с ней ежедневно – христиане, соблюдающие традиции православной церкви, или язычники, приносящие жертвы кровавым богам? И вот на каменистые склоны Парнаса ложится первый снег. Женщины Фокиды, Беотии и Аттики начинают отправление древних обрядов. Вакхические танцы, неистовый бег, сексуальное возбуждение, получающее выход в любовных актах под открытым небом и дикой охоте, где дичью бывает не только животное, но и человек – таковы великие дионисийские мистерии, невольной участницей которых становится Вероника.

ISBN 978-5-17-088236-6

© Воронцова Т., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	15
5	17
6	24
7	29
8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Воронцова

Время черной звезды

1

К полудню жара стала невыносимой. Устав шарахаться от собственной тени, Ника зашла в первую попавшуюся таверну, выбрала столик поближе к окну и заказала куриный шашлык, салат по-гречески, мороженое и чай со льдом. Она почти не сомневалась, что человек в мешковатых брюках и вылинявшей футболке с надписью «Рима» шел именно за ней (да и пора бы, она исчезла из поля зрения бывшего делового партнера и потенциального супруга неделю назад), но плохо представляла, куда бежать и что делать дальше. Мобильный телефон она утопила в море, зная, что его сигнал может помочь преследователям обнаружить ее местонахождение, деньги (не много, но на первое время хватит) заранее сняла со счета. Что дальше? Затеяться в чужом, древнем и на первый взгляд не слишком дружелюбном городе среди туристов, законных и незаконных эмигрантов, продавцов, покупателей, бездельников, работяг, бизнесменов, политиков, шоуменов, резчиков по дереву, чеканщиков по металлу, штукатуров, ювелиров, чистильщиков водосточных труб, воров, проституток, сутенеров, умников, простофиль, бродяг... Сидеть тихо как мышь. Выходить на улицу в соломенной шляпе и солнцезащитных очках. В мужском костюме. С накладной бородой. Ха-ха!

Пообедав без всякого аппетита, она подсунула под стакан три десятиевровые купюры и закурила сигарету. Бросила взгляд в окно и на противоположной стороне улицы опять увидела этого человека. Он медленно шел по тротуару, засунув руки в карманы, – средних лет, невзрачный, сутулый. Неопределенного цвета волосы, смазанные черты лица. Идеальный «хвост».

В приступе паники Ника подвинулась вместе со стулом назад и нечаянно задела мужчину, сидящего за соседним столиком. Пробормотала стандартное «sorry», выронила горящую сигарету, проглотила пеплом юбку, издала страдальческий стон, вскочила, принялась торопливо отряхиваться... Ее сосед, повернувшись вполоборота, с интересом наблюдал за этой сценой.

– Все в порядке?

Ника судорожно втянула в себя воздух и медленно выдохнула, чувствуя себя полной дурой.

– Да, спасибо.

Они говорили по-английски. Турист?

Усевшись за столик, она подалась вперед и осторожно выглянула в окно. Заметил? Не заметил? Сутулый стоял на углу и курил, глядя себе под ноги. Двигаться с места он явно не собирался.

А может, он вовсе не следит за ней и даже не догадывается о ее существовании, просто болтается по центру в надежде на счастливый случай – щедрая подачка, плохо лежащий кошелек, – как это делают тысячи оборванцев по всему миру. Если бы так, если бы... Но сердце уже стучало как шальное, пальцы леденели, а в голове билась одна-единственная суматошная мысль: куда бежать?

Поддавшись внезапному порыву, она обернулась и тихо заговорила, глядя на темноволосый затылок соседа, пострадавшего от ее неловкости:

– Простите, вы хорошо знаете город? Видите ли, я здесь впервые, и сейчас мне совершенно необходимо выйти отсюда через подсобные помещения или как-то еще... словом, на другую улицу, а потом добраться до окраины и... и...

Мужчина повернулся и окинул ее долгим, внимательным взглядом. Сообразив, что ее недавнее поведение в сочетании с этой странной просьбой может заставить его усомниться в ее

психическом здоровье, Ника вздохнула и уже собиралась встать, чтобы отправиться на поиски запасного выхода, как вдруг он переспросил по-русски:

– На другую улицу?

– О, так вы из России? – Она почувствовала облегчение и вслед за этим еще большую тревогу. – Но как вы...

Легким кивком он указал на ее грудь в вырезе шифоновой блузки.

– У вас православный крест. И вы не гречанка.

Ника с трудом подавила желание прижать руку к груди. Боже, какая идиотка! Не в силах вымолвить ни слова, она в смятении взидала на своего наблюдательного собеседника и жалела о том, что не может провалиться сквозь землю.

Он слегка пожал плечами.

– Это первое, что бросается в глаза.

– Вы правы. Как глупо...

На ощупь расстегнув замочек, она убрала цепочку вместе с крестиком во внутренний карман сумки.

Сумка. Теперь незнакомец разглядывал ее – не слишком большую, но и не слишком маленькую, легко вместившую смену белья, деньги, документы, косметичку, сонеты Шекспира в мягкой обложке... Но зачем таскать все это по городу?

– Здесь есть служебный вход, могу вас проводить.

– А где можно взять такси?

Он не ответил. Встал, бросил на столик несколько монет и не спеша направился в сторону туалетов. Подхватив сумку, Ника устремила за ним.

– Здесь направо, потом все время прямо, до пересечения с проспектом Амалиас. – Незнакомец распахнул перед ней дверь. – Там возьмете такси.

Лавируя между прохожими, она торопливо шла по одной из узких улочек Плаки, стараясь не смотреть по сторонам, боясь увидеть в двух шагах знакомую сутуловатую фигуру, помятое лицо, пустые глаза. Не видеть. Сделать вид, что его здесь нет. Не набросится же он на нее прямо на улице! А может, у него и в мыслях этого нет, ведь она может закричать, ворваться в первый попавшийся магазин, попросить хозяина вызвать полицию...

Полицию? О нет.

То-то и оно.

Не на кого рассчитывать. Некому довериться.

Пока темноволосый незнакомец, которого она так удачно зацепила стулом, вел ее по выложенному кафелем коридору к запасному выходу, она успела разглядеть его крепкие, поджарые ягодицы, обтянутые тонкой тканью хлопчатобумажных брюк, прямую спину, развернутые плечи. Вот бы спрятаться за такой спиной, позволить ее обладателю единолично принимать решения, говорить «доверься мне» и «все будет хорошо» – глупые слова для маленькой девочки, которая потерялась в универмаге.

Рассерженно фыркнув, Ника прибавила шагу. Маленькая девочка – как бы не так! Она умудрилась оставить в дураках человека, который не сомневался в том, что у него все под контролем. Переиграла, надула, выставила идиотом. Теперь он разыскивает ее, чтобы... что? Убить ее? Жениться на ней? Отдать под суд?

Призрак сутулого замаячил прямо по курсу, и она, забыв наставления своего спасителя, метнулась в одну из боковых улочек. Считать повороты... не сбиваться с курса... Высокие каблуки громко стучали по булыжной мостовой. Померещилось или он ее выследил? Выяснить это не было ни малейшего желания. Задышавшись от быстрого бега, Ника петляла по улочкам Плаки, то пустынным, то – в местах скопления ресторанов и сувенирных лавок – забитых туристами, пока окончательно не заблудилась. Черт! Где здание Парламента? Где метро «Монастираки»?

Голова у нее кружилась, ноги подкашивались, во рту пересохло. Отдышавшись, она спросила у какой-то парочки, где ближайший Макдоналдс, прошла несколько метров, опять шараясь в переулок и наконец, уже совершенно измученная, выскочила прямехонько на проспект Амалиас. А вот и «Макдоналдс». Зайти? Не зайти?

Пока она хлопала глазами, из-за угла показался ее преследователь. Теперь уже точно он! Эти волосы клочьями, эту походку «на полусогнутых» она узнала бы из тысячи. Похоже, играть в прятки ему надоело. Или получил соответствующие указания. С решительным видом, не таясь, он пересек площадь и протянул руку с явным намерением вырвать у Ники сумку.

Она инстинктивно отпрянула. Кажется, даже вскрикнула, хотя голоса своего не услышала. Почти не соображая, что делает, выхватила из вертушки около газетного киоска пачку журналов и швырнула ему в лицо. Кто-то изумленно ахнул, высунувшийся из окошка продавец разразился страстными греческими проклятиями. Не дожидаясь, пока он покинет прилавок и присоединится к погоне, Ника бросилась бежать. Выскочила на проезжую часть. Прямо перед ней, как в американском боевике, с визгом затормозил серебристый «Ауди», и водитель рывком, не поворачивая головы:

– Садись! Живо!

Поскольку крикнул он по-русски, информация обработалась мгновенно. Ника прыгнула на пассажирское сиденье, захлопнула дверь и крепко зажмурилась, потому что подобный стиль вождения приводил ее не то что в ужас, а в состояние, близкое к коллапсу. Рулевое колесо бешено вращалось вправо-влево, автомобиль маневрировал в потоке с убийственной непредсказуемостью, со всех сторон раздавались гудки и вопли разъяренных водил.

– О господи... – выдохнула она, когда «Ауди» в очередной раз обошел один грузовик, чудом избежав лобового столкновения с другим. – Осторожнее!

– Помалкивай, – процедил ангел-истребитель.

На бешеной скорости он выехал из центра и взял курс на северо-восток.

– Куда мы едем?

– А куда тебе надо?

Ника ничего не ответила. От неожиданности, от стремительности происходящего она слегка отупела. Несколько десятков километров по автобану промелькнули как в кошмарном сне, и, очнувшись от какого-то внутреннего толчка, она увидела за окном указатель на Мандру.

– Куда мы едем? – слабым голосом поинтересовалась Ника, с опозданием сообразив, что этот вопрос она уже задавала.

Ее дважды-спаситель повернул направо, проехал еще метров двести, остановил машину и сухо сказал:

– Сумку давай.

Она помертвела.

– Что?

Минуту он молчал, глядя в другую сторону, как будто из последних сил боролся с подступающим гневом. Не справился.

– Сумку! Я сказал: сумку! Ты что, плохо слышишь?

Повернувшись к ней всем корпусом, он даже не кричал, а рычал и при этом не сводил с нее яростно горящих серых глаз.

– Кто ты такая, черт возьми? Документы у тебя есть?

Не дождавшись никакой осмысленной реакции, он выдернул у нее сумку, поставил к себе на колени, открыл и начал досмотр. Кто знает, что он искал... Оружие? Наркотики? Вдумчиво, страницу за страницей изучил паспорт. Затем с той же методичностью исследовал содержимое ее кошелька, всех внутренних отделений сумки, даже книгу пролистал. На предмет фальшивых купюр?

С едва заметной брезгливой гримасой застегнул сумку и перебросил на заднее сиденье. Уставился на свою пассажирку.

– Вероника.

Она торопливо кивнула, поймав себя на том, что старается произвести на него благоприятное впечатление.

– А ты?

– Дмитрий. Греки зовут меня Деметриос.

– Ты русский?

– Какая разница?

Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Тогда-то она впервые заметила и запечатлела, чтобы позже припомнить, его дымчато-серые глаза с золотистой короной на радужке, темные брови и ресницы, тонкую переносицу, плотно сжатые губы, слегка подрагивающие то ли от возбуждения, то ли от рвущейся изнутри улыбки. Абсолютно чужой человек. Первый встречный – из тех, от кого всегда одни неприятности.

И вдруг что-то подтолкнуло ее изнутри мягкой лапкой, и, смертельно боясь услышать отказ, она попросила сдавленным голосом:

– Спрячь меня, Дмитрий. Помоги.

Слегка приподняв одну бровь, он ждал продолжения.

Она нервно вздохнула.

– Я ничего не сделала. Не совершила никакого преступления. Но меня разыскивает один тип... – Тут к горлу подкатило, и закончить она не смогла.

Подождав несколько минут и убедившись, что продолжения не последует, ее новый знакомый завел машину и вновь выехал на трассу. Ника чуть было не спросила в очередной раз «куда мы едем?». Ей пришлось в голову, что если она это сделает, он выкинет ее из салона на полном ходу.

2

После Мандры дорога стала свободнее, и Деметриос прибавил скорость. В черных очках и рубашке, расстегнутой чуть ли не до пояса, он напоминал киношного гангстера, и у Ники мелькнула мысль, что вот сейчас, в эту самую минуту, такую дурочку, как она, можно запросто прикончить, предварительно изнасиловав, или продать в сексуальное рабство... Она вздохнула. Надеюсь, ничего подобного не случится. Бог любит идиотов! А она за последние две недели совершила столько идиотских поступков, что мама не горюй.

За окном проносились бескрайние поля, засаженные неизвестно чем. Один раз ей помешались хлопковые коробочки, но уточнять она не стала из боязни разбудить в своем спасителе зверя. Он вел машину уверенно, без показного лихачества, на ровных участках разгоняясь, на поворотах аккуратно притормаживая, так что сразу становилось ясно – дорогу эту он знает, как собственный огород.

Она вздохнула еще раз. Вот так. Просто берешь свою жизнь и превращаешь ее в гонку с преследованиями. «Спрячь меня, случайный знакомый!» Ну, спрячет. А что потом?

Дорога серпантинном извивалась по склонам гор. Деметриос закурил, и, наблюдая за движениями его рук, Ника вдруг подумала, интересно, каков он в постели. Странная мысль, он даже не казался ей привлекательным. Отдавая должное его внешности, она тем не менее не могла отделаться от возникшей с первого взгляда смутной неприязни. Слишком яркий для мужчины, слишком заметный. Резкий, горячий, нервный. Дорогие часы с поцарапанным корпусом. В левом ухе поблескивает ободок серьги.

– Во мне есть греческая кровь. – Он заговорил так неожиданно, что Ника вздрогнула. – Мой дед родом отсюда, из Беотии.

– Никогда раньше здесь не была, – пробормотала Ника, чтобы не оставлять его слова без ответа. – Кажется, мы недалеко от Фив?

– Чуть больше десяти километров.

– Так мы едем туда, в Фивы?

Он покачал головой. Стряхнул пепел с сигареты.

– Фивы – большой город. В большом городе легче спрятаться или спрятать кого-нибудь. Если хорошо знаешь город. А я знаю его недостаточно хорошо.

– Где же ты собираешься меня спрятать?

– В одной маленькой деревушке на юго-западном склоне горы Парнас. – Он мельком глянул на нее сквозь темные стекла очков. – Очень здоровое место.

– Ты хорошо его знаешь?

– Каждый камень.

Любуясь Аонийской равниной, посреди которой раскинулся славный город Фивы, Ника постепенно забыла о своих обидах, по большей части вымышленных. Русский парень с примесью греческой крови опять стал казаться рыцарем, пришедшим на помощь прекрасной, но бестолковой даме. Равнина была плоской, как лист картона, из которого выступали поросшие скудной растительностью, пологие склоны гор. Вдоль автомобильной дороги тянулась железная, по которой резво бежал небольшой товарный состав. На открытой платформе сидели рабочие.

Слева от дороги прямо в поле стояла белая церковь. Неподалеку работали сельскохозяйственные машины. А прямо по курсу виднелись величественные склоны горы Парнас, темно-зеленые на фоне ультрамаринового неба.

Деметриос гнал машину на хорошей скорости, и совсем скоро начался подъем.

– Это все еще Беотия?

Они были в пути уже два часа.

– Фокида.

Потом начались повороты, легкое головокружение при взгляде на очередную бездонную пропасть, от которой их отделяло низкое, довольно хлипкое на вид дорожное ограждение, легкая заложенность в ушах, как при взлете, восторг и страх... чувство абсолютной нереальности происходящего.

Попутных машин становилось все меньше, а встречных не было совсем.

– Там вообще люди живут? – не удержалась Ника.

Деметриос снял очки.

– А зачем тебе люди?

– Не пугай меня.

Он усмехнулся.

Арахова оказалась небольшой греческой деревушкой, подвешенной к крутому, чуть ли не вертикальному склону горы и рассеченной надвое автомобильной дорогой, ведущей в музей-заповедник Дельфы. По обе стороны этой единственной артерии располагались сувенирные лавочки и таверны, предназначенные для туристов, с моста открывался головокружительный вид на соседние склоны и теснящиеся внизу белые домики с черепичными крышами, между которыми, несмотря на всю неправдоподобность картины, стояли обшарпанные машины и мотоциклы. Пытаясь понять, как они туда попадают, Ника чуть не вывернула себе шею, но подошедший Деметриос – он покупал сигареты в лавке напротив – решительно взял ее за руку и повел по лестнице вниз.

– Здесь есть отель? – обеспокоенно спросила она.

– Нет. Но есть дом, в котором я живу. Большой дом.

– Ты собираешься поселить меня в собственном доме?

– Есть другие предложения?

– Но...

– Дом разделен пополам. Каждая половина имеет собственный вход. Я буду рядом, но не настолько близко, чтобы тебе стоило меня опасаться.

Дом был действительно большой. Поскольку его строили на горе, все внутренние помещения оказались на разных уровнях: из прихожей в гостиную вели три ступеньки, из гостиной в кухню-столовую – еще три, а из маленького коридорчика в две отдельные спальни – целых восемь. Пока Деметриос ходил на свою половину за полотенцами и постельным бельем, Ника методично обследовала все комнаты, поочередно открывая скрипучие двери с массивными, потемневшими от времени бронзовыми ручками, как в каком-нибудь средневековом замке... а может, в средневековых замках и не было никаких дверей, просто странная фантазия, случайная ассоциация, ведь она до сих пор не опомнилась и не чувствовала себя в безопасности.

На подоконниках, на тумбочках, на столах, на спинках кроватей – повсюду лежал тонкий слой серой пыли. Под ногами похрустывал песок и мелкие камешки.

– Здесь есть ведро и тряпка? – спросила Ника вернувшегося Деметриоса.

– В кладовке. – Он показал где и понес в спальню стопку аккуратно сложенного белья. – Горячая и холодная вода тоже есть. Посуда в буфете. Здесь не прибрано...

Ника улыбнулась.

– Я заметила.

– ...но это даже хорошо. Будет, чем заняться. – Он немного помедлил. – Ты голодна?

– Не знаю. Кажется, да. Но я не хочу выходить из дома.

Он внимательно посмотрел на нее, словно хотел убедиться, что она не шутит.

– Скажи, что тебе нужно.

– Ну... может, пару сэндвичей. – Она немного подумала. – Питьевую воду, кофе... На кухне есть кофейник?

– Ладно, я понял. – Деметриос хмуро улыбнулся. – Скоро вернусь. Располагайся.

– Дмитрий, – окликнула она слабым голосом, когда он был уже в дверях. – Почему ты решил мне помочь?

– Ты похожа на девочку, в которую я был влюблен двадцать лет назад.

Она ошеломленно уставилась на него, потом запустила пальцы обеих рук себе в волосы и истерически захохотала.

3

Забираясь после душа в чистую, похрустывающую постель, она была уверена, что уснет сразу же, как только голова коснется подушки. Ничуть не бывало! Оглушительная тишина темной, благоуханной греческой ночи сводила ее с ума. Пару раз Ника даже нарочно кашлянула, проверяя, все ли в порядке со слухом. Чуть погодя ей стало жарко, и она сбросила одеяло. Потом над ухом назойливо зазвенел комар. Дело кончилось тем, что она накинула короткий шелковый халатик, сунула ноги в теннисные тапочки с примятыми задниками и потихоньку вышла на террасу. Этот кипарисовый аромат... это медленное дыхание гор... на побережье, вблизи большой воды, ничего подобного не услышишь!

Дом стоял на окраине, сразу за покосившимся деревянным забором начиналась смешанная роща с преобладанием хвойных, как еще днем заметила Ника, деревьев и жестколистного кустарника, название которого было ей неизвестно. Где-то вдалеке зловеще ухала сова. Под полом террасы кто-то шуршал. Крыса? Еж?

Гм... крыса. Переступив с ноги на ногу, Ника вспомнила про забытое на столе печенье. Возвращаться в дом не хотелось. Такая ночь, к тому же сна ни в одном глазу. Двигаясь медленно и осторожно, словно боясь разрушить колдовские чары, она спустилась по ступенькам в сад. Выложенная растрескавшимися каменными плитками дорожка привела ее к беседке, заросшей диким виноградом, и там, в непроглядной тьме, ей почудился чей-то смутный силуэт. Тень, пятно – чуть светлее, чем окружающий мрак...

– Кто здесь? – крикнула Ника.

Крикнула? Скорее, прошептала.

– Тихо, – отозвался из темноты Деметриос. – Иди сюда.

От звука знакомого голоса ее охватила дрожь, и только тогда она поняла, как велико было напряжение.

– Ты что здесь делаешь?

Он не ответил.

Ника шагнула под своды беседки и остановилась, размышляя, сесть с ним рядом или напротив. Он не шевелился, даже дыхания его не было слышно.

– И все же... Почему ты решил мне помочь?

Медленно он протянул руку, ухватил ее за локоть и усадил рядом. Слабо уловимый, но стойкий запах табака, который сопровождает обычно всех курильщиков со стажем. Крепкая хватка, пальцы сухие и горячие. Приятно.

– А с тобой не бывает такого, что вдруг, ни с того ни с сего, ты начинаешь чувствовать свою причастность к происходящему? – В тишине и темноте его голос, который он умышленно понижал, звучал глуховато, делая каждое слово еще более веским и значимым. – Вмешиваясь в то, что вроде бы не имеет к тебе непосредственного отношения.

– Нет. В то, что не имеет ко мне отношения, я не вмешиваюсь никогда.

– Значит, некоторое время тому назад ты вмешалась в нечто, имеющее к тебе непосредственное отношение – я угадал? – и теперь вынуждена скрываться в горах Центральной Греции, потому что кто-то решил, что оно имеет отношение не к тебе одной.

Слово «кто-то» он умело подчеркнул интонацией голоса, как драматический актер, и Ника помимо собственной воли чуть было не начала оправдываться перед ним. Этого только не хватало!

Дыхание ее участилось от гнева. Или от страха. Или от того и другого одновременно. И вдруг она поняла, почему он сидит здесь, в беседке, увитой стеблями дикого винограда. Ее проблемы его никоим образом не касаются, он и так сделал для нее слишком много и сейчас

имеет полное право спать сном праведника на своей половине дома, но... Он здесь, чтобы убедиться в надежности предоставленного ей убежища. Что, если их выследили?

Вот именно. Что?..

Ника не могла представить своего худошавого спасителя отважно сражающимся с бандой вооруженных наемников. Стоп! Стоп! Какие наемники? Она поторопилась обуздать не в меру разыгравшееся воображение. Между тем Деметриос ждал ответа. Сидящий без движения, почти невидимый, он все же умудрился внушить ей необходимость предстоящего объяснения.

– Ты прав. – Она перевела дыхание. – Я вмешалась. Вмешалась в нечто такое, что имеет отношение не ко мне одной. Возможно, я совершила ошибку. Даже наверняка. Но ведь этого уже не изменишь, правда?

Он молча разглядывал ее в темноте. Взгляд его жалил Нику, как могла бы жалить крапива при неосторожном касании, машинально она почесала щеку и участок плеча, не прикрытый рукавом халата.

Спустя некоторое время опять послышался его тихий голос:

– Не изменишь. Этого уже не изменишь. Но кое-что можно предотвратить. – Он еще немного помедлил. – Если знать что.

– Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе, кто меня преследует и зачем? Но я и сама не знаю. Этого человека, который ходил за мной по Плаке, я никогда раньше не видела. Просто обратила внимание, что куда я, туда и он. А потом, на площади... ну, ты видел. Я могу только предположить, кто приставил его ко мне, но...

– Речь идет о деньгах?

– Не только.

– О больших деньгах?

Ника вздохнула.

– У меня даже в мыслях не было кого-то разорить или обокрасть. Я всего лишь взяла свое.

– Но не все согласились с тем, что это твое?

– Ага, – кивнула Ника и глуповато шмыгнула носом.

Ей вдруг опять захотелось, чтобы нашелся кто-то, способный решить все ее проблемы, а главное, имеющий желание сделать это.

– Кто эти люди? – продолжал расспрашивать Деметриос. – Чего от них можно ожидать?

Ну вот, ну вот! Теперь она обязана сказать ему правду, после которой он, скорее всего, велит ей убраться к чертовой матери... или нет?

– Дай мне еще немного времени, – неожиданно для самой себя жалобно попросила Ника. – Хотя бы до завтра. Ведь в ближайшие два-три дня к нам никто не нагрянет?

– Надеюсь, что нет, – усмехнулся он. И после паузы добавил: – Если только тебя не разыскивает Интерпол или еще какие серьезные ребята. – Зевнул, слегка передернувшись всем телом. – Иди спать, Ника. Ничего не бойся.

Вот! Те самые слова.

Облегченно вздохнув, она встала, вышла из беседки... и остановилась как вкопанная. Весь мир выглядел странно застывшим, даже листочки на деревьях, видимые при свете луны, не шевелились, будто отлитые из серебра. Лунный свет, пробивающийся сквозь рваные облака, заливал сад бледным, холодноватым светом, тишина звенела в воздухе ангельскими колоколами, а за забором, справа и слева, группами по три, по четыре, по пять человек, стояли одетые в пеплосы женщины и все до единой смотрели на Нику. Контур, словно обведенный светящимся грифелем... нечеловеческое сияние глаз...

Из этого состояния оцепенения ее вывел Деметриос, достаточно фамильярно подтолкнув в спину между лопаток. Ника рванула вперед по дорожке. Он шел за ней. Уже на пороге взял ее обеими руками за плечи, повернул к себе, склонился к самому лицу.

– Спи спокойно. Тебя никто не потревожит. Поняла?

Она машинально кивнула. Улыбнувшись краешками губ, Деметриос еще раз легонько сжал ее плечи, затем выпустил и сделал шаг назад.

4

Едва переступив порог, он понял, что она уже здесь. Не видя, не слыша, но чувствуя ее присутствие кожей. Каждым нервом. А через минуту прозвучал шепот:

– Иди ко мне.

Медленно он расстегнул рубашку. Бросил на спинку стула. Ожидающая его в постели женщина нетерпеливо шевельнулась.

– Никогда ты не научишься покорности.

– А она тебе нужна, покорность моя? – насмешливо поинтересовался Деметриос. – Нужна, Иокаста?

– В настоящий момент, – промолвила та почти без голоса, – только это мне и нужно.

Он рассмеялся от удовольствия.

– Тогда вставай и уходи. Потому что сегодня как раз такая ночь, когда я могу предложить тебе все, за исключением покорности.

Он сбросил оставшуюся одежду и прилег рядом. Ласковым, дразнящим движением провел пальцами по ее груди, животу.

– Зачем ты привез ее сюда? – спросила Иокаста сквозь зубы.

Не отвечая, он втиснул ладонь промеж ее горячих, гладких бедер.

– Зачем?

Под градом его поцелуев она продолжала расспросы, сердясь, негодуя, чередуя упреки с угрозами и проклятиями. Не обращая внимания на все эти штучки, лишь изредка стискивая зубы, когда ее ногти впивались ему в спину, Деметриос двигался внутри ее, на предельной глубине, в том жестком и упоительном ритме, который – он знал – в скором времени должен был привести ее в состояние блаженного неистовства. Да, не яростного, а блаженного.

И вот превращение началось. Превращение Иокасты Укротительницы в Иокасту Укрощенную. Похоть разливалась по стройному изогнутому телу, затапливала мозг. Кожа на щеках постепенно краснела, взгляд затуманивался, с губ срывались хриплые, бессвязные восклицания. Стараясь, чтобы этот сладкий жар охватил ее всю, до кончиков ногтей, Деметриос обеими руками придавил к ложу плечи богини и вошел еще глубже, резко и страстно. Она закричала, как птица. Его напор возрос.

Над их головами сверкнула белая молния...

Теперь Иокаста кричала без умолку, длинные волосы извивались на подушке, как змеи, он тоже не останавливался, так что казалось, еще немного – и от обоих повалит дым.

– В этом году мы встретим нашего господина как надо, – прошептал Деметриос, целуя ее, бьющуюся в экстазе, кусающую губы от нетерпения.

– О да, сделай это... – простонала Иокаста, еще шире раскрывая повлажневшие от пота бедра, подставляя ему себя, точно сосуд.

– У нас будет настоящий праздник, – добавил Деметриос.

И умолк, отдавая ей свою силу. Силу воина и охотника. Иокаста впитывала в благоговейном восторге.

– Настоящий праздник? – переспросила она чуть погодя, сделав упор на слове «настоящий».

И открыла глаза. Зрачки ее были расширены, ресницы – мокры от счастливых слез.

– Эта женщина... за ней придут мужчины.

– Они преследуют ее?

– Да.

Через распахнутое настежь окно в спальню врвался свежий ветер с гор, холодил разгоряченные тела на измятой постели. И еще оттуда, снаружи, доносились звуки, напоминающие

звуки цимбал, которые услышала и Ника из своей комнаты в другой половине дома. Услышала, привстала, испуганно глядя на занавешенное окно. Музыка?.. На память ей начали приходить самые невероятные истории о горе Парнас, прочитанные в путеводителях по Греции и сборниках греческих мифов. Неистовые ночные танцы фиад, чередующиеся с любовными соитиями – все на грани безумия, все на пределе сил, – стремительный бег к вершине, где должно состояться великое таинство. Но что эта музыка означает сейчас?

– Ты считаешь, что здесь, в твоём доме, ей ничто не грозит? – подумав, спросила Иокаста.

– Пока нет.

– Она им нужна? Очень нужна?

– Похоже, что да.

– Значит, рано или поздно они ее найдут.

– Конечно. – Повернув голову, Деметриос коснулся губами ее виска. – Рано или поздно найдут. Но не раньше, чем меня.

– Поступай как знаешь. Но помни, я рядом.

Она уже дремала, вытянувшись на постели, как молодая львица, а он все сидел на подоконнике, глядя на клубящийся выше по склону серебристый туман, и курил сигарету за сигаретой. Ветер стих вместе с музыкой. Казалось, тронь воздух – и он разобьется вдребезги, осыпая сверкающими осколками крыши близлежащих домов.

Мой дом? Моя земля? Мой бог?

Взгляд Деметриоса был устремлен туда, где за ключьями тумана скрывались легендарные вершины Тифорея и Лекорея.

Случай увел меня отсюда, случай привел назад.

Эти мысли, неизменно шокирующие, тревожащие, побудили его прыгнуть на землю и легко, бесшумно двинуться через сад к гаражу.

Рев мотора потревожил сон Иокасты. Она узнала его и сразу поняла, куда направился ее беспокойный возлюбленный. Тихонько вздохнула. Обняв обеими руками подушку, уютно зарылась в нее щекой. Когда она вновь погрузилась в сладкую дрему, Деметриос был уже на полпути к Дельфам.

5

Кофе, горячий и ароматный, вернул ей утраченный оптимизм и надежду на то, что все обойдется. И как греки умудряются готовить такой восхитительный кофе? Ведь даже в самой захолустной греческой таверне можно получить чашку кофе, достойную королевского стола. Этот вопрос Ника и задала Деметриосу, сидящему напротив.

– Вода, – ответил он и улыбнулся. Сделал еще глоточек. – В других местах наверняка есть свои секреты, но здесь, на Парнасе, прежде всего вода.

– Кастальский ключ, – догадалась Ника.

– В Дельфах много источников. Кастальский ключ просто самый обильный и знаменитый.

– И знаменит он... – Ника наморщила лоб, изображая очаровательную дурочку, как делала всегда, когда хотела дать возможность мужчине блеснуть интеллектом. – Кажется, через воды этого источника можно получить доступ в подземный мир?

– В связь между верхним и нижним мирами верили с древнейших времен по всей территории Греции. Но в Дельфах местом, где осуществлялась эта связь, был омфал, каменный пуп. А вода – в Лерне.

Сегодня на нем светлая, в тонкую черную клетку, рубашка с закатанными до локтей рукавами, что позволяет любоваться загорелыми мускулистыми предплечьями, на одном из которых – Ника заметила только сейчас – белеет небольшой ровный шрам. Спросить? Не спросить? Не про шрам, про ночной концерт.

Она рискнула спросить.

– Да, музыка, – ответил Деметриос после небольшой паузы. – Звуки цимбал. Думаю, это проделки ветра. Здесь, на склонах Парнаса, можно увидеть и услышать такое, чего не увидишь и не услышишь нигде больше.

– Правда? – Она смотрела на него, не отрываясь. – И что же? Что еще?

– Местные жители часто видят женщин-привидений, которые при жизни были фиадами. Эти женщины внушают им такой же страх, как жителям Валахии – вампиры, и они уверяют, будто при появлении фиад верхушки елей склоняются до земли.

Все это он произнес абсолютно бесстрастно, не моргнув глазом. Ника почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Фиады? Мм... Те, что во имя Диониса живьем разрывали на части лесных зверей и даже людей?

– О нет, ты путаешь, Вероника. Фиады – это жрицы, храмовые жрицы в Дельфах. А менады – охотницы.

Наблюдая за тем, как он не спеша отрезает острым ножом кусок хлеба – не белого и не черного, а просто хлеба из муки грубого помола, какой подают во всех греческих тавернах, – и аккуратно намазывает сверху яблочный джем, Ника не могла отделаться от ощущения опасности. Причем опасности, исходящей именно от него. То есть она была абсолютно уверена, что лично ей ничто не угрожает, по крайней мере сейчас, но Деметриос больше не казался надежным, честным, благородным, словом, «хорошим парнем» из вестерна. Его руки... Ни с того ни с сего она представила их сжимающими оружие куда более внушительное, чем кухонный нож.

Он перехватил ее взгляд. Чтобы сгладить неловкость, она поспешила задать новый вопрос:

– Дельфы далеко отсюда?

– Восемь километров. Арахова стоит на месте античного города Анемория, служившего форпостом дельфийского святилища. В 480 году до Рождества Христова здесь были остановлены персы, а в 279 году – галлы.

– А мы можем... ты можешь отвезти меня туда?

Глаза его весело сверкнули.

– Ты же собиралась сидеть в четырех стенах до тех пор, пока твои преследователи не телеграфируют о своем решении больше не беспокоить тебя.

– Да, собиралась. Но это же несерьезно, правда? То есть, – она покусала нижнюю губу, – неразумно. Если они доберутся до Араховы, то найдут меня и здесь, в твоём доме. Даже если я не буду выходить на улицу.

Деметриос молча смотрел на нее с нескрываемым одобрением.

– Я очень хочу увидеть храм Аполлона, и Толос, и Кастальский ключ. – Она робко улыбнулась, поймав себя на желании извиниться. – Увидеть собственными глазами то, что раньше видела только на фотографиях. Покажи мне Дельфы, Дмитрий, пожалуйста.

Он допил кофе, откинулся на спинку стула – все стулья в доме были одинаковые, тяжелые и громоздкие, с высокими деревянными спинками, украшенными замысловатой резьбой, – закурил сигарету и после коротких раздумий произнес:

– Тебе нужна шляпа от солнца. И удобная обувь. Там есть места, где не пройти на каблуках.

Вытянув ногу, Ника продемонстрировала белые теннисные тапочки, которые уже начала считать домашними.

– Такая подойдет?

– Да, – кивнул Деметриос. Еще один быстрый внимательный взгляд. – У тебя ведь не очень много вещей, правда?

– Не очень, – подтвердила Ника.

– Я могу отвезти тебя в Фивы, там есть магазины одежды и обуви.

Постукивая ногтями по столу, Ника размышляла над его предложением. Кто знает, сколько времени придется проторчать в Арахове. Вдруг до осени... или до зимы... или... Пара джинсов не помешает. Наличные у нее есть. Есть и счет в банке, который вряд ли контролируют преследователи. Это всегда был особенный счет. На случай... в общем, как раз на такой случай, как сейчас.

Вздыхая и по привычке ругая себя за легкомыслие, она встала из-за стола.

– Это просто здорово, Дмитрий, спасибо. Я только вымою посуду, ладно? И переоденусь. Он тоже поднялся.

– Жду тебя у калитки.

Разделавшись с посудой, Ника прошла в «свою» комнату – несмотря на то что соседняя была просторнее и светлее, она поселилась именно в этой, где стояла громадная кровать со зловеще прекрасной кованой спинкой, а в воздухе витали ароматы древнего волшебства, – вытряхнула из сумки все лишнее, надела вместо трикотажной майки батистовую блузку с длинным рукавом, похожую на просторную мужскую рубашку, торопливо провела расческой по волосам и выскочила из дома под раскаленное июльское солнце.

Она все гадала, каким же образом подъезжают к своим домам на автомобилях местные жители, и наконец увидела эту сказочную дорогу – грунтовую, разумеется, – извивающуюся на безбожно крутом склоне горы, точно пьяная змея. Но теперь ее мучил другой вопрос: почему вместо серебристого «ауди», на котором они совершили пробег от Афин до Араховы, их везет черный «судзуки гран витара»? Из каких соображений Деметриос поменял машину? Задать его она не решалась (быть может, просто не хотела ничего об этом знать), но проделать весь путь в молчании полагала уж вовсе немыслимым, поэтому возобновила разговор о местных достопримечательностях.

– Ты сказал, здесь были остановлены персы?

– Да. Об этом писал Геродот.

Деметриос как раз вырулил на асфальтированную дорогу, и Ника перестала ждать, что они вместе с машиной вот-вот закувыркаются вниз по склону, ломая кусты.

– Расскажи мне. Пожалуйста.

Лучше Геродот, чем неприятные вопросы или гнетущее молчание.

– Когда персы пришли из Дориды в Фокиду, – начал Деметриос тоном вкрадчивым и злобным, каким рассказывают страшные сказки на ночь, – то не смогли захватить всех фокийцев, так как часть их бежала на высоты Парнаса. Другая же часть спаслась бегством к озольским локрам в город Амфиссу по ту сторону Крисейской равнины. – Умело играя интонациями голоса, он всецело завладел ее вниманием. – На пути вдоль реки Кефиса варвары уничтожили огнем Дримос, Харадру, Эрохос и другие великие города. Миновав Парapotамии, они прибыли в Панопей. Здесь войско разделилось на две части. Большая часть во главе с Ксерксом проникла в Беотию, меньшая же часть с опытными проводниками двинулась к дельфийскому святилищу, оставив Парнас на правой стороне. Это войско опустошало все на своем пути. Огню были преданы города панопеев, давлиев и эолидов. Целью было разграбление дельфийского святилища и передача его сокровищ Ксерксу. Узнав об этом, дельфийцы спросили оракул: закопать храмовые сокровища в землю или вывезти из страны. Однако бог запретил им прятать сокровища. Он сказал, что сам защитит свое достояние. Получив такой ответ, дельфийцы занялись собственным спасением. Жен и детей отослали в Ахею, имущество перенесли в Корикийскую пещеру, а сами укрылись на вершинах Парнаса. В городе остались лишь шестьдесят человек и прорицатель. – Сейчас, когда он читал эту своеобразную лекцию, стал заметен легкий акцент, характерный для русского человека, долгое время прожившего за границей. – Когда варвары были уже близко, прорицатель по имени Акерат заметил, что священное оружие, которого никто не должен был касаться, вынесено из мегарона и лежит на земле. Прорицатель пошел сообщить об этом чуде людям, оставшимся в Дельфах. А когда персы достигли храма Афины Пронеи, случилось еще более великое чудо: с неба пали перуны, а с Парнаса низверглись две каменные глыбы и поразили множество персов. Из храма Афины Пронеи донесся боевой клич. Все эти знамения привели варваров в ужас. Дельфийцы же, увидев бегство врагов, спустились с гор и многих перебили. Оставшиеся в живых персы бежали сломя голову вплоть до Беотии. По возвращении на родину они рассказывали еще и о других знамениях: два воина выше человеческого роста преследовали их и разили без пощады. Это были, по словам дельфийцев, два местных героя – Филак и Автоной, храмы которых находятся поблизости от святилища Аполлона: Филака – на самой улице выше святилища Пронеи, Автоноя – недалеко от Кастальского источника у подножия утеса Гиампии. А низвергнувшиеся с Парнаса обломки скал уцелели до нашего времени и лежат в священной роще Афины Пронеи.

– Потрясающе. – Ника с любопытством разглядывала его профиль. – Значит, перуны. Ты в это веришь? Интересно, верил ли Геродот.

– Ему незачем было верить или не верить, – невозмутимо ответил Деметриос. – Он просто записывал истории, которые слышал от людей. Вот люди, которые ему эти истории рассказывали, скорее всего, верили.

Позже, перебирая в памяти события этого дня, Ника заклеила Фивы как тесный, пыльный, суетливый город. Полно машин, в том числе грузовых. За все время пребывания в Афинах ей не попадалось на глаза столько грузовиков, сколько в Фивах за час! Раза три как минимум они застревали в пробке, когда же Деметриос наконец припарковался во дворе четырехэтажного жилого дома и предложил прогуляться по улице в поисках подходящих магазинов, она почувствовала себя осужденным, которого приглашают на казнь. Глубоко вдохнула – еще немного воздуха перед погружением в этот горячий бульон, о боги, – и, прижимая к себе сумку, выбралась из авто. По сравнению с кондиционированным салоном на улице творилось такое... В первый момент у нее даже потемнело в глазах. И это называется благоприятный климат? Все глянцевые брошюры для туристов следует немедленно сжечь!

Первым магазином, который они посетили, был продовольственный, потому что там продавалась минеральная вода. Деметриос решительно сорвал пробку с пластиковой бутылки и галантно протянул бутылку Нике. Взгляды их встретились.

– Сначала ты, – произнесла она немного нервно.

Ясные серые глаза с золотистой короной на радужке. Глаза правителя.

– Я?.. Ладно.

– И ты не спросишь почему?

Едва заметная улыбка.

– Я догадываюсь.

С волнением, объективно неуместным в данной ситуации, Ника следила за тем, как он подносит бутылку к губам, делает аккуратный маленький глоток, затем еще глоток, щурит уголки глаз, как будто проникающий с улицы солнечный свет внезапно сделался раздражающе ярким, беззвучно смеется и передает бутылку ей.

– Раздели со мной воду, женщина.

Ладно, пусть так. Почти по Фрэнку Герберту. Раздели со мной воду и войди в мое племя. Не спуская с него глаз, Ника начала пить.

Голубые джинсы, которые она примерила первыми, сели хорошо, но не понравились Деметриосу. Совершенно непринужденно и, пожалуй, неожиданно для них обоих он подключился к выбору модели, и его слово стало решающим. Ника остановилась на узких синих джинсах с заниженной талией, которые сделали ее похожей на ящерицу, к ним взяла две одинаковые белые футболки, шерстяной джемпер крупной вязки и бейсболку цвета хаки. Выходя из магазина, где крутились два громадных вентилятора, под небо, напоминающее разверстую пасть огнедышащего дракона, озабоченно спросила:

– Что же мне еще нужно?

– Шуба, валенки... – Деметриос заглянул в пакет с джемпером. – Впрочем, в особо сильные морозы можно не выходить из дома.

Далеко не сразу она поняла, что это шутка.

– Бессовестный! Я вспомнила, что мне нужно. Обувь. Здесь поблизости есть обувной магазин?

Часом позже, загружая в багажник пакеты с вещами, Ника опять задалась вопросом: с какой стати он вообще нянчится с ней? Не то чтобы она утратила веру в человеческую добродетель, но делать ставку исключительно на нее все же остерегалась. К тому же терпеть не могла чувствовать себя в долгу перед человеком, который ей нравился. Хотя здесь она, возможно, лукавила... да, скорее всего.

Объявив себя худшим в мире экскурсоводом, Деметриос показал ей из окна автомобиля Археологический музей, сообщил, что входной билет стоит два евро, и далее уже без остановок проследовал на юг. Там, на южной окраине Фив, высилась древняя крепость Кадмея.

Все пространство между разрушенными древними стенами заросло травой, местами сожженной солнцем в пыль, и папоротником. Серая каменная кладка, почерневшая на стыках, уходила под землю на первый взгляд не глубоко, но чтобы увидеть полы вскрытых подвальных помещений, приходилось наклоняться, стоя на самом краю. Давным-давно на территории этого дворцового комплекса располагался культовый центр дионисийской религии – Деметриос сообщил, что его возникновение можно отнести к XIV–XIII векам до нашей эры, – вот теперь здесь бродят бестолковая блондинка, вечно попадающая впросак, и ее загадочный покровитель.

Мысленно Ника употребила именно это слово – загадочный. Почему? Не потому ли, что у нее имелась внутренняя потребность в загадках?

– Точная топографическая ориентировка невозможна из-за сегодняшней застройки, – говорил между тем мистер Загадка, стоя с ней рядом и глядя туда же, куда и она, – но при

сносе некоторых современных зданий производились раскопки, и в одном месте археологи обнаружили стену микенских времен, не погребенную под слоями более поздних периодов. Вон там, – он указал рукой, – во времена Павсания показывали знаменитый «брачный чертог» Семелы, где был зачат Дионис, а сама Семела сожжена молнией. Об этом чертоге знал Еврипид, о нем же упоминается в надписи на сокровищнице фиванцев в Дельфах, которую ты скоро увидишь своими глазами.

Медленно ступая по ковру из сухой травы, они приблизились к ничем не примечательной большой прямоугольной плите из серого камня, лежащей на другой большой прямоугольной плите из серого камня, вокруг которых были в беспорядке разбросаны камни поменьше. Брачный чертог. Пара камней со сколотыми углами и гранями, местная достопримечательность, любопытные взгляды людей, не знающих о тебе, мать бога, ровным счетом ничего. Какой ты была? Ну, любопытство твое, положим, общеизвестно... Чем отличалась от женщин, проживающих по соседству? Почему Зевс выбрал именно тебя?

– В «Вакханках» Дионис находит здесь уже не чертог, а могилу своей матери, однако могила эта была подобна многочисленным могилам Ариадны, за которые выдавались алтари, предназначенные для поклонения богине подземного царства.

– Разве Ариадна – богиня подземного царства? – удивилась Ника.

– В общем, да. Ариадна представляет Персефону и Афродиту в одном лице. Ты этого не знала?

– Ну... может, знала и забыла. Я помню легенду про нить Ариадны, – пролепетала она, слегка краснея, – которая вывела Тесея из лабиринта на Крите, но с удовольствием послушаю другие, если ты мне расскажешь.

Он рассказал, но уже на обратном пути, сейчас же ей пришлось выслушать не менее захватывающую историю об упавшем вместе с молнией Зевса на чертог Семелы деревянном чурбане – прямо с неба, да-да, – который позже Полидор, сын Кадма, отделал медью и нарек Дионисом Кадмом. Чурбан, безусловно, не принадлежал к архитектурным элементам дворца, иначе люди не стали бы говорить, что он упал с неба. Руины дворца Кадма, вероятно, вообще сохранились лишь потому, что изначально были местом культа – культа Диониса и культа Семелы.

Воздух над фиванским акрополем раскалился настолько, что стало трудно дышать. Мертвые серые камни взирали на двух пришельцев с нескрываемым пренебрежением. Полное отсутствие ветра усиливало ощущение паралича, болезненной неподвижности мира, в котором они очутились. Даже темная зелень хвойных деревьев сейчас казалась грязной, серой.

– Мне страшно, – шепнула Ника.

Оглянулась на Деметриоса. Оглянулась за поддержкой, но он словно мимикрировал, идеально вписался в окружающую среду. Это она, Ника, была инородным телом, а Деметриос чуждым ей, но не этой земле. Темная от загара кожа, темные брови, темные ресницы, темные волосы. Он словно вышел – да, из-под земли. Из-под земли. Но это значит... но...

Впоследствии она даже не могла объяснить в точности, что случилось. Привычная реальность вдруг дала трещину, и в трещину эту со всех сторон хлынули inferнальные образы. Музыка – совсем не такая, какую слышала она посреди ночи в Араове, – оглушительная, безумная, ритмичная. Извивающиеся, изгибающиеся в танце полуобнаженные женские тела. Что здесь происходит? Празднование события или отправление ритуала? Бум, бум, бум... А это что за звук? Быть может, мое собственное сердце? Музыка задает ритм для всех бьющихся вокруг сердец. Все громче и громче, все жарче и жарче. Уши закладывает от рева или вопля, не то звериного, не то человеческого. Нет, человек не может издавать такой рев – аж из нутра... Это бык! Бык! Он приближается. Топот копыт сливается со стуком сердец. Бум, бум... Сверканье топора, сладострастное «ах!...» возбужденной толпы. Но не от топора падет бык, он падет – о мой бог, он падет от рук и зубов человеческих!

– Ника! Ника! Ты меня слышишь? – Голос Деметриоса выдернул ее из этой странной фантазии, и она ощутила острый прилив благодарности. – Нет, не вставай. Посиди еще пять минут.

Выяснилось, что она сидит на более-менее гладком камне в тени роскошной пинии, средиземноморской сосны, при этом голова ее покоится на широком мужском плече. Невыносимая пошлость этой сцены, достойной дамского романа, отрезвила ее. Она выпрямилась и посмотрела в упор на Деметриоса.

– Это все жара.

Он кивнул.

– Да. Аппеллей – самый первый и самый жаркий месяц года.

Аппеллей. Июль. Но... первый месяц года? Голова у нее опять пошла кругом. Слишком много вопросов. Да еще череда пугающих образов, промелькнувших перед ее мысленным взором.

– Что ты видела? – спросил Деметриос, протягивая ей бутылку воды.

Ника изобразила непонимание.

На подвижном лице Деметриоса появилась тень досады.

– Тебе же что-то привиделось, так? Пригрезилось, приснилось. Вот я и спрашиваю что.

– У меня нет никаких экстрасенсорных способностей, если ты об этом.

– И все же. – Он не спускал с нее глаз. – Что ты видела?

С величайшей неохотой – язык едва поворачивался, и вовсе не из-за жары, – она начала рассказывать о женщинах, быках и топорах. Редкостный сумбур. Или нет? Похоже, все, что она слышала или читала раньше о культе Диониса, смешалось в ее голове.

– Свита Диониса состояла преимущественно из женщин, правильно? – бормотала она, стараясь не провалиться опять в яму с видениями. – И женщины танцевали под музыку... фиады или менады, не помню кто из них...

– Во время празднеств первого года – фиады, во время празднеств второго года – менады, – подсказал Деметриос, скорее всего, машинально.

Ника почувствовала, что окончательно теряет нить.

– Первого года и второго года – чего?..

– Триетериды. Но не отвлекайся, прошу тебя. Говори.

– Так вот. Женщины, музыка – ладно, допустим. Но при чем тут бык? – Он уже открыл рот, чтобы ответить, но она схватила его за руку. – Нет! Нет! – Все происходящее вдруг обрело необъяснимую важность. – Сначала вот что: почему я вообще все это увидела? Раньше ничего подобного...

– Потому что ты здесь – это раз, – невозмутимо пояснил Деметриос. – И потому что ты здесь со мной – это два.

Она молча уставилась на него, ожидая продолжения.

– Ты сказала, что не обладаешь экстрасенсорными способностями. Так вот со мной рядом такие способности у людей появляются. – Он улыбнулся. – Я бы назвал их визионерскими.

– То есть... – Ника не знала, верить ли ушам. – Дело в тебе? Ты направил мне эти образы?

– Нет. Но иногда я работаю как ключ, отпираю в чужих головах какие-то двери. Это происходит само собой.

Первая мысль была: «Ой... кто из нас двоих сумасшедший, я или он?» И вторая: «Интересно, дорогуша, как ты теперь будешь выходить из положения?» Положение было, прямо сказать, незавидным. Она находилась в сердце Беотии, одного из центральных греческих номов, вокруг громоздились легендарные руины, залитые безжалостным солнечным светом, а рядом сидел человек, о котором она не знала ровным счетом ничего, которому слепо доверилась в трудную минуту и который оказался гораздо опаснее всех, кто шел по ее следам. С другой стороны, стал бы он устраивать ее в собственном доме, катать на собственной машине и ока-

зывать прочие знаки внимания, если бы на уме у него было дурное. В чем же опасность? Эти его движения, эти взгляды... ощущение скрытого огня.

– Так вот о быках, – заговорил Деметриос, подхватывая ее под руку и увлекая на усыпанную сосновыми иглами дорожку, ведущую к очередным развалинам. – В облике быка Дионис являлся грекам, но не только в облике быка, но и в облике бога вина и бога женщин. Змея, четвертый из дионисийских элементов, была атрибутом вакханок, однако она часто встречается на изображениях минойских богинь или жриц.

– Минойских?

Топор с двусторонним лезвием. Фрески из Кносского дворца.

– Да. Если использовать медицинский термин, все это – виноград и бык, женщины и змеи – своего рода синдромы, образующие элементарные контексты великого мифа жизни. Я имею в виду ζωή, – он произнес «зoi», – жизнь бесконечную. В греческой культуре это миф о Дионисе, в минойской – миф о божестве, более древнем, чем божество, узнаваемое в брожении меда.

– Но бесконечную жизнь имеют только вампиры из готических романов. Конечно, их можно убить, но для этого требуется либо осиновый кол, либо солнечный свет, либо крест, либо чеснок, либо все вместе. – Не то чтобы ее вдруг разобрала охота шутить при сорокоградусной жаре, скорее разозлило то обстоятельство, что каждый ответ Деметриоса порождает новые вопросы. – Про мед ничего не знаю.

Он остановился и некоторое время смотрел на нее с каменным лицом, но в глазах плескался смех.

– В греческом языке имеется различие между жизнью бесконечной и жизнью конечной, ζωή («зoi») и βίος («биос»). Слово ζωή означает жизнь вообще – жизнь всех существ, вместе взятых. Слово βίος, напротив, выделяет характерные черты определенной жизни – то, что отличает одно существо от другого. Ты и я, – Деметриос коснулся указательным пальцем сначала лба Ники, затем собственного лба, – представляем собой два разных βίος-а. Господин наш Дионис представляет собой ζωή. Если мы пойдем дальше, то увидим, что βίος не образует взаимоисключающего противоречия со смертью. Отдельной жизни принадлежит и отдельная смерть. Взаимоисключающее противоречие со смертью образует ζωή.¹

Господин наш Дионис. Так он сказал. Господин наш...

Силы ее иссякли, и она жалобно попросила:

– Поедем домой.

---

¹ Карл Кереньи. ДИОНИС. Прообраз неиссякаемой жизни.

6

Музыка! Опять эта музыка за окном.

На этот раз Ника не поленилась выбраться из постели и подойти к распахнутому настежь окну. Деметриос заверил ее, что спать с открытыми окнами совершенно безопасно. «Если к дому приблизится чужой, я об этом узнаю» – так он сказал. Правда, не сказал, каким образом узнает. Камни прошепчут? Вполне возможно.

Она, наконец, осознала, почему в его присутствии ее так часто охватывает тревога: из-за ощущения недосказанности. Он объяснял, но объяснения эти никогда не бывали исчерпывающими. Он отвечал, но каждый ответ порождал новые и новые вопросы. В надежде хотя бы отчасти удовлетворить растущее любопытство, Ника изменила свое первоначальное решение выходить из дома только в сопровождении Деметриоса и уже несколько раз пила фраппе в маленькой кондитерской на окраине Араховы. За прилавком стояла молодая гречанка Дериона, говорящая по-английски. Когда Ника появилась впервые, Дериона встретила ее радушно, но все же довольно сдержанно, на следующий день поприветствовала с нескрываемой симпатией, а еще через пару дней они болтали и смеялись так непринужденно, как будто знали друг друга сто лет.

– Это греческое имя – Вероника, – сообщила Дериона. – Ты не гречанка? Нет? Многие русские, – она широко улыбнулась, сверкая жемчужно-белыми зубами, – чуть-чуть греки, знаешь ли.

– Деметриос говорил мне, – кивнула Ника.

– О, Деметриос! Он очень мало русский, очень много грек.

– Много грек? – удивилась Ника. – Но у него же светлые глаза. Есть такие греки?

– Есть. – Дериона многозначительно помолчала. – Один древний род.

В кондитерской можно было полакомиться не только фраппе – холодным кофе с мороженым и со льдом, – но и традиционным горячим кофе с шоколадными конфетами, изготовленными вручную. Изобилие форм, размеров и начинок приводило Нику в неописуемый восторг. Ей казалось, что ничего вкуснее она в жизни не пробовала. Шоколад горький, шоколад белый, шоколад молочный... с дроблеными орехами, с засахаренными ягодами, с ромом, с карамелью, с марципаном... За поеданием конфет и застал ее в один прекрасный день потомок древнего рода.

В потертых синих джинсах и белой футболке навыпуск, он вошел в кондитерскую и кивнул Дерионе: «Привет». Та поздоровалась торопливо, даже несколько подобострастно. Не задавая вопросов, приготовила фраппе с ванильным мороженым и со смущенной улыбкой поставила перед ним. Они обменялись несколькими фразами на греческом языке. Ника не понимала ни слова, но все равно с интересом прислушивалась. Дистанция между собеседниками ощущалась так явственно... Если Дионис был господином для Деметриоса, то сам Деметриос был господином для Дерионы. Никаких сомнений. Но какого рода была его власть? После этого эпизода он выдал ей сотовый телефон и взял за правило устраивать после шести часов вечера долгие совместные прогулки по окрестностям, во время которых рассказывал ей, что и как называется, откуда и куда можно быстро дойти пешком, где в случае необходимости спрятаться.

Невидимые музыканты безумствуют так, что за них становится страшно. Неужели кто-то из местных жителей способен спать, игнорируя концерт за окном?

Ей вспомнились летние каникулы у двоюродной бабушки в одной из деревень Западной Украины. Обитатели деревни, в целом милые и приветливые люди, временами словно теряли рассудок и голосами, прерывающимися от ужаса, начинали рассказывать о странных эпидемиях по соседству, когда люди вымирали семьями, домами, и позже отдельные смельчаки либо

находили там обескровленные тела, либо не находили ничего, о вскрытых могилах с лежащими в гробах мертвецами, которые выглядели лучше иных живых... Слово «вампиры» никогда не звучало, но и так было ясно, о чем идет речь. Подростки, с которыми Ника немного дружила, слушали эти истории с горящими глазами. Каждый мог добавить порцию душераздирающих подробностей, потому что вырос здесь и привык вдыхать их вместе с воздухом. Сама Ника переживала смешанные чувства: с одной стороны, все сверхъестественное и необъяснимое возбуждало ее любопытство, с другой – ей даже думать не хотелось о реальной возможности столкнуться с этим сверхъестественным лицом к лицу. Она не считала себя способной дать отпор какой-либо нечисти – для этого ей не хватило бы ни мужества, ни веры. Бабушка Аглая страшилками не увлекалась, во всяком случае не обсуждала их с Никой, даже если все вокруг начинали шушукаться об очередном «лихе», но иконы в красном углу держала, также вблизи окон и дверей регулярно развешивала гирлянды чеснока.

Однажды соседская девочка Ганна, ровесница Ники, принесла им с бабушкой от своей матери свежайший, только из печки, пирог и не менее «горячие» слухи. В селе за горой померла сосватанная невеста, и теперь у всей округи трясутся поджилки, ведь хуже нет, когда приходится укладывать в землю юную деву в подвенечном платье... вот уж лихо так лихо. Ника не стала выслушивать историю несчастной девушки, которая не то любила всем сердцем прекрасного юношу, убитого злодеями в прошлом году, не то ненавидела, опять же всем сердцем, состоятельного жениха, выбранного для нее родителями, не то делала все это одновременно, сама толком не понимая, где причина, где следствие, – и ушла к себе в мансарду почитать перед сном Проспера Мериме. Нетрудно догадаться, чем кончилось дело. Незадолго до рассвета ее разбудил странный шум за окном. Упорное зловещее царапанье, как будто по стене взбирался неуклюжий когтистый зверь – карабкался вверх, срывался, падал и после короткой паузы возобновлял свои попытки. Окно... Спросонок Нику прошиб холодный пот. Окно открыто! Она задрожала. Кто бы там ни был, человек или зверь, он явно задумал проникнуть в комнату через окно. В смятении она оглянулась по сторонам. Вот бы швабру или кочергу... Ей совершенно не хотелось начать закрывать створки и внезапно увидеть перед самым своим носом оскаленную морду чудовища. Ни швабры, ни кочерги в наличии не оказалось, пришлось довольствоваться массивным бронзовым подсвечником, который пылился в углу комода. В длинной батистовой ночнушке, с распущенными волосами, босиком, сама похожая на персонажа готического романа, Ника пересекла комнату, вытянула руку над подоконником и, разжав пальцы, уронила подсвечник в сад. Услышала звук падения тяжелого тела, сдавленный не то всхрип, не то всхлип, треск кустарника внизу... не медля больше ни секунды, захлопнула оконные рамы и ставни, одну за другой защелкнула все задвижки. Бегом вернулась в постель, юркнула с головой под одеяло, но заснула, как и положено при таких обстоятельствах, только после того, как по соседству трижды прокричал петух.

Неопределенное чувство, промежуточное между стыдом и суеверным страхом, помешало ей рассказать о ночном происшествии бабушке или подруге. Даже когда по деревне поползли слухи о том, что покойница, дескать, пошаливает, Ника продолжала хранить молчание и накрепко запирает ставни на ночь. Впрочем, последнее делали уже во всех домах. С наступлением темноты деревня будто вымирала: никаких гуляний, никаких посиделок. Темно и тихо, как на кладбище. Самое время для страшных историй, которыми старшее поколение всегда не прочь попотчевать младшее. Эта атмосфера призрачной угрозы, когда совсем рядом постоянно ощущалось враждебное присутствие чего-то невидимого, бесформенного, необъяснимого, запомнилась Нике очень хорошо, и сейчас, под звуки музыки, разливающиеся по склону горы, воспоминания ожили, лишив ее сна и покоя.

Во время одной из прогулок Деметриос рассказал ей о любопытном открытии, которое сделали археологи, работающие в Центральной Греции. Они обнаружили абсолютно нетипичное древнее захоронение: покойник был завален камнями, причем некоторые особенности

положения скелета указывали на то, что завален он был живьем – так поступали с обвиненными в вампиризме.

– Разве в Греции есть вампиры? – удивилась Ника. – Я имею в виду... разве греки в них верят?

– Греки верят во все, что видят их глаза, – ответил Деметриос.

– Твои глаза видели вампиров? Ты в них веришь?

– Нет, не видели. Но мои глаза видели столько всего выходящего за рамки так называемого «нормального», что и существование вампиров я тоже вполне допускаю. Ну, может, – добавил он, помедлив, – не таких, о каких пишут книги и снимают фильмы, а других, отличных от нас, избегающих солнца и пьющих кровь, странных созданий, чьи жизни измеряются столетиями.

Он произнес это с такой искренней печалью, что у Ники невольно навернулись слезы.

Чьи жизни измеряются столетиями...

Если бы далее Деметриос признался, что и сам из этих «странных созданий», она ни на минуту не усомнилась бы в его словах. Но он, поддерживая ее под руку на каменистой тропе, начал рассказывать о дионисийских празднествах в Аттике, в Беотии и Фокиде. Ника слушала очень внимательно, не переставая восхищаться открывающимися видами и удивляться глубокими знаниями по истории религии у владельца прокатной конторы и авторемонтной мастерской. Он уже сообщил ей, что работает в Фивах, и показал двухэтажное кирпичное здание, позади которого располагались гаражи и просторный открытый двор. Во дворе стояли машины – большие и маленькие, старые и новые. Вдоль дорожки, ведущей от калитки к крыльцу, стояли керамические вазоны с неизменной цветущей геранью. Красные, белые, розовые цветы – красота, да и только. И ведь кто-то за этой красотой ухаживает: обрезает, поливает. Впрочем, в офисе тоже ведь нужно убирать. Зато теперь ей стало ясно, откуда берутся все его разнокалиберные авто.

Также она узнала, что название небольшого городка или большой деревни, где они проживают – Арахова, – славянского происхождения, что состоит оно из двух корней – «ара», то есть «греческий орех», и «хова», то есть «дерево», – и что вокруг действительно произрастает много этих деревьев. Однако это не единственная версия. Есть люди – и Деметриос в их числе, – которые считают, что название Арахова все же греческого происхождения и означает «живущие на холмах».

Вместе они поднялись на ровное, как стол, плато с размазанной по нему деревней Ливади, иначе Каливия, прогулялись до центра, зашли в пару магазинчиков, торгующих шерстяными коврами и одеялами с типичным для данной местности геометрическим орнаментом, потом вернулись в машину и продолжили подъем. Да, прогулки не всегда получались пешие...

От Каливии дальше можно было двигаться либо по асфальтированной дороге, выходящей вокруг горы Парнас, мимо крошечных поселков, представляющих собой не поселки даже, а всего лишь группы домов, которые точно выросли из земли в промежутках между столетними елями – сосны на такой высоте уже не росли, – либо по грунтовке, забирающей круто вверх, так круто, что этот маршрут годился не для каждого водителя и не для всякой машины. Деметриос прокатил ее и по одной дороге, и по другой. К стыду своему, во время путешествия по грунтовке Ника два раза взвизгнула. Ей на полном серьезе показалось, что «гран витара» сейчас перевернется. Ладони повлажнели от страха, сердце заколотилось...

– Не бойся, – мельком глянув на нее, спокойно сказал Деметриос. – Я делаю это не в первый раз.

Наградой был головокружительно прекрасный вид с вершины холма на долину.

– Вон там, – Деметриос указал рукой, – проходят горнолыжные трассы.

– Зимой бывает много снега?

– Конечно. Лыжный сезон в среднем длится с середины декабря по апрель, но иногда продолжается и в мае.

Присмотревшись, Ника увидела подъемники и вспомнила, что читала про этот горнолыжный курорт в одном из путеводителей.

– На северо-западном склоне Парнаса, – продолжал Деметриос, глядя в ту же сторону, что и она, – две горнолыжные зоны: Келарья и Фтеролакка. Лыжных трасс около двадцати, подъемников – если не ошибаюсь, четырнадцать. Трассы Фтеролакки довольно сложные, пройти их отваживаются только мастера.

– Ты катался там?

– Нет-нет. Я не спортсмен, Вероника.

Держась за руки, они прошли еще немного вперед. Грунтовая дорога заканчивалась у входа в пещеру – ту самую, где дельфийцы скрывались от персов и где, по преданию, жили девять муз. С непривычным чувством благоговения Ника огляделась по сторонам. Она была взволнованна, очень взволнованна. Эти ели, эти кручи, эта тишина... Если боги и обитали на земле, то именно в таких местах.

– На какой мы высоте?

– Чуть больше тысячи двухсот метров.

Из черного зева пещеры веяло прохладой и жутью. Чуть улыбаясь, Деметриос жестом предложил ей войти внутрь. Казалось бы, что может случиться? При наличии дурных намерений он бы уже сто раз их осуществил. Но ее вдруг накрыло волной дикого, беспричинного ужаса. Первобытного ужаса, с каким прашуры, должно быть, всматривались в ночную тьму за пределами домов и деревень, потому что не знали, какие там скрываются чудовища. Однако знали, что скрываются. Наши тайные страхи, намертво сплавленные с желаниями, – вот место, откуда приходят в мир все чудовища. И эта пещера... Да, в ней определенно затаилось НЕЧТО, чего Ника страстно желала и чего боялась до помрачения рассудка. Такие вещи люди распознают безошибочно. Другое дело, что не всегда могут поименовать.

Вот и сейчас, прислушиваясь к музыке за окном, она пережила заново, хотя и в меньшей мере, страх, помешавший ей ступить под своды *Corición Andron*. Видимый снаружи фрагмент потолка был покрыт серебристо-серой бахромой сталактитов. Верхнюю часть стен украшали трубки и гребенки. Что собой представляет пол пещеры, Нике разглядеть не удалось с того места, где она стояла, а подойти ближе не хватило духу. Деметриос не уговаривал ее, просто стоял и ждал. Светлый стройный силуэт на фоне зловещего темного проема неправильной формы. Маленький золотой ободок серьги, охватывающий мочку левого уха, блестел на солнце. Несколько короткометражных фильмов, один другого фантастичнее, промелькнули перед ней, волшебным образом накладываясь на окружающую действительность. Сюжет первый: из мрачных недр горы вымахивает гигантское щупальце наподобие того, что во «Властелине колец» вымахнуло из озера перед входом в Морию, обвивается вокруг талии Деметриоса и утаскивает его во тьму. Сюжет второй: Деметриос одним прыжком оказывается рядом с ней, Никой, хватает и утаскивает ее во тьму. Сюжет третий: вместе они заходят в пещеру, там на них набрасывается Неведомое Нечто, хватает и утаскивает во тьму. Что происходит во тьме? Разумеется, жертвоприношение! Либо Деметриоса пожирают (вариант – выпивают кровь), либо Нику, либо их обоих. Причем один из сюжетов предполагал такое распределение ролей: Ника – жертва, Деметриос – жертву приносящий, неизвестное божество – жертву принимающее. Интересно, как выглядел бы Деметриос в одеянии жреца.

Медленно и осторожно Ника отодвинула портьеру и присела на широкий деревянный подоконник. Все в порядке. Никаких вампиров, никаких кракенов, никаких жрецов. Как всегда в горах, ночной воздух казался сладким от аромата цветущих растений, но достаточно прохладным, в отличие от воздуха равнин. Звезды горели так ярко, что при свете их можно было читать. Сидя без движения, она разглядывала посеребренные луной ветви деревьев, тер-

расами уходящие вниз крыши домов, лестницы с прогнувшимися, шаткими перилами, а кое-где и вовсе без перил... шпиль маленькой церквушки... ворота...

Ее выхватил из забытья какой-то странный звук. Стон? Вздох? Но не мучительный, а скорее удовлетворенный. Как будто сама гора зевнула и сразу вслед за этим погрузилась в сон. Музыка смолкла. Деревню вмиг накрыла ватным одеялом тишина. Однако темнее не стало, и при свете звезд Ника увидела высокую черноволосую женщину, гибкую, как большая кошка. Держа спину очень прямо, женщина прошла вдоль ограды и, прежде чем скрыться за деревьями, оглянулась и посмотрела на Нику.

Поразительная, пугающая красота. Нечеловеческая – этим и пугающая. Длинные, струящиеся по плечам волосы, похожие на покрывало из черного шелка. Огромные сияющие глаза. Цвет глаз на расстоянии различить невозможно, но сияние, фиолетовое сияние, выглядит настолько inferнальным, что от этого зрелища пробирает дрожь. Минута... другая... Фиолетовое не отпускает, не дает отвернуться, затягивает, парализует. Хочется закричать «пустите!», или «помогите!», или просто закричать во все горло без слов, но закричать тоже не получается, как не получается и все остальное. Что же делать? Расслабиться. Прекратить сопротивление. Впустить фиолетовое в себя.

Да. Да. Возьми меня, ведьма, испускающая фиолетовые облака. Полюби меня, да.

Волшебные глаза раскрылись чуть шире. Их завораживающее сияние померкло, как будто изнутри повернули ручку выключателя и убавили яркость, но совсем не исчезло. Смуглое лицо на миг преобразила улыбка, от которой у Ники появилось ощущение тепла, затем незнакомка отвернулась, сделала еще несколько шагов и исчезла в узком переулке.

7

С утра его не покидало ощущение надвигающейся опасности. Он даже упустил кофе – плитку залила темно-коричневая пена, которую пришлось второпях собирать влажными салфетками, пока не засохла, – и дважды промахнулся мимо пепельницы, стряхивая пепел со своей сигареты. Состояние было явно нервное. Но в чем причина?

Стараясь двигаться неторопливо и плавно, как танцор или мастер айкидо, Деметриос вышел на крыльцо, запер входную дверь, спустился по ступеням на гравийную дорожку. Лицо обдало жаром. Прежде чем двинуться по дорожке к навесу, под которым стоял черный «судзуки», он коротко, с прищуром глянул на восходящее солнце, достал из нагрудного кармана рубашки темные очки и водрузил на переносицу. Вот так. Теперь можно смело отправляться в путь. Ну, или не очень смело.

Неделю назад он обратил внимание на незначительное нарушение привычного порядка вещей в своем офисе. Все было вроде на своих местах... и в то же время не совсем на своих. Некоторые мелкие предметы оказались сдвинутыми чуть вправо или чуть влево, о чем свидетельствовали темные контуры, хорошо заметные на горизонтальных поверхностях, покрытых тонким слоем пыли. Уборка всех помещений на этаже делалась по вторникам и пятницам, а гости, вероятно, пожаловали в ночь с воскресенья на понедельник. Из ящиков стола ничего не пропало, но содержимое их выглядело слегка разворошенным. Стулья переместились относительно стола и стен, сам Деметриос никогда не придвигал их вплотную. Нельзя сказать, что это стало для него полной неожиданностью. Наоборот, пустив под свою крышу Веронику, он ежедневно ожидал чего-нибудь такого. И все же, когда оно случилось, почувствовал себя не лучшим образом.

Раннее утро, на дороге никого – он добрался до офиса в мгновение ока. Входная дверь. Коридор. Дверь, ведущая в кабинет... Он успел только включить кондиционер и сделать глоток воды из бутылки, накануне предусмотрительно поставленной в холодильник, когда дверь за его спиной открылась и снова закрылась, впуслав троих незнакомцев с каменными лицами. Одинаково непроницаемыми. Ого!

Деметриос закрутил пластмассовую крышечку, поставил бутылку на комод рядом с фотографией Жака Лакана в тонкой алюминиевой рамке и вопросительно посмотрел на стоящего ближе всех.

– Чем могу быть полезен?

В этом парне было столько квадратов, хоть в учебник по геометрии вставляй: квадратный подбородок, квадратные плечи, квадратные ботинки, квадратные кулаки. На левом запястье – часы с квадратным циферблатом. Когда он заговорил, голос его тоже показался Деметриосу квадратным.

– Господин Стефанидес, три недели назад вы взяли пассажира на проспекте Амалиас в Афинах. Женщину. Блондинку. Припоминаете?

– Возможно, – ответил Деметриос ровным голосом.

– Куда вы ее отвезли?

Спокойно, внимательно он разглядывал их лица, точно высеченные из базальта. Кричать бесполезно, в здании никого нет. Морочить им головы до тех пор, пока не появится автослесарь Филимон, любитель начинать рабочий день с дружеского трепы? Идея сама по себе неплохая, но Деметриос сомневался, что сможет изображать Шехерезаду в течение сорока пяти минут. Именно столько оставалось до десяти утра.

– Она попросила отвезти ее в Пирей.

– Вот как? – Говорил только Квадратный, другие двое терпеливо ждали. На их одинаковых лицах не отражалось ничего. – Подумайте хорошенько, господин Стефанидес. Вы могли забыть. Могли же, правда? Но сейчас постараетесь вспомнить, чтобы нам не пришлось...

Деметриос посмотрел ему прямо в глаза.

– Договаривайте.

Квадратный слегка вздохнул.

– Так вы не хотите помочь нам, господин Стефанидес?

Сигануть в окно, пробив своим телом двухкамерный стеклопакет? Заманчиво, но неосуществимо. Компаньоны Квадратного наверняка перехватят акробата на полпути.

– Вы задали вопрос и получили ответ. Если вам, господа, требуется помощь иного рода, объяснитесь.

– Нам требуется правдивый ответ.

– Я вижу, что полученный ответ вас не устраивает, но это не делает его менее правдивым.

– Господин Стефанидес, – в голосе Квадратного появились вкрадчивые нотки, – вашу машину видели отнюдь не на дороге в Пирей. Вашу машину и блондинку в салоне.

Он чуть было не совершил ошибку, задав вопрос «где же ее видели?», но вовремя спохватился и равнодушно пожал плечами.

– В португальском городе Фатима разные люди независимо друг от друга периодически видят Деву Марию. Не удивлюсь, если сама Мария ни о чем таком даже не догадывается.

Незванные гости обменялись быстрыми взглядами. Их враждебность скрипела у Деметриоса на зубах. С легким чувством брезгливости он проследил глазами за Квадратным, который сделал шаг в сторону, пропуская вперед своих громил.

Как далеко они способны зайти? Если речь о деньгах – а она, судя по всему, о деньгах, о больших деньгах, – то как угодно далеко.

Только не в этот раз.

Деметриос улыбнулся. Горькой ироничной улыбкой человека, ставшего жертвой недоумения. Который не вполне осознает, насколько все серьезно. Которому никогда не представляли ствол к виску. Впрочем, стволами и сейчас никто не баловался. Неторопливо и даже обыденно – так, точно проделывали это не одну сотню раз, – громилы оттеснили его от холодильника, усадили на специально подставленный стул, левую руку аккуратно завели за спину, правую не менее аккуратно прижали к столу. Квадратный устроился напротив.

Молча они смотрели друг другу в глаза.

– Нам нужна эта женщина, господин Стефанидес, – заговорил после паузы Квадратный. Тихо и внушительно. – Где она?

Сердце билось немного чаще, чем следовало, но в своей способности контролировать мимику лица и интонации голоса Деметриос не сомневался.

– Я высадил ее на въезде в Пирей и больше никогда не видел.

– Вы превосходно владеете собой, – одобрительно заметил Квадратный.

Извлек словно бы из воздуха охотничий нож с деревянной рукоятью, снял кожаные ножны. Легко провел острием по руке Деметриоса.

– Я не буду вам угрожать. Собирался, но передумал. – Он больше не разбавлял свою речь вежливым «господин Стефанидес». – Вы не глупы и не пугливы. Ну, еще бы. – Усмешка расколола его лицо, как надгробную плиту. – Ведь вы служили во французском Иностранном легионе.

Без всяких эмоций Деметриос посмотрел на кровоточащий порез, после чего вновь перевел взгляд на собеседника. Он уже догадывался, чем закончится сегодняшний разговор. Первый, но отнюдь не последний.

– Вы наемник. – Квадратный кивнул, вероятно, полагая, что это придаст его словами дополнительный вес. – Я имею в виду, по сути. – Кожа его лица и шеи была пористой, рых-

лой и имела нездоровый сероватый оттенок, хорошо заметный, несмотря на загар. – Мы тоже наемники. Предлагаю вам сменить хозяина. Сколько бы вам ни пообещала эта женщина или ее сообщники, мы заплатим вдвое больше.

Сколько бы ни пообещала...

Значит, он уверен, что пока еще не заплатила?

...или ее сообщники...

Значит, ему неизвестно, что Вероника здесь одна? Стоп. Или мне неизвестно, что Вероника здесь не одна?

Деметриос чуть не расхохотался. Почему он ни разу не спросил ее о сообщниках? Потому что, будь у нее сообщники, она давным-давно проговорила бы. «Эта женщина» болтала столько, что при желании он уже мог написать ее биографию, причем не краткую.

– Оставьте визитку. Если я случайно столкнусь с ней в супермаркете, сразу же дам вам знать.

Несколько секунд Квадратный, не отрываясь, смотрел на Деметриоса, борящегося со смехом, потом сокрушенно вздохнул и, жестом приказав громилам ужесточить фиксацию, вонзил острый нож в его предплечье.

Деметриос издал короткий стон. Усилием воли подавил желание взглянуть на рану. По ощущениям, она прилично кровоточила, но серьезной опасности не представляла.

– Наше предложение остается в силе, – проговорил Квадратный очень тихо, не спуская глаз с его напряженно застывшего лица, – до следующей нашей встречи, лейтенант Сибирцев. Поверьте, я не получаю ни малейшего удовольствия, причиняя вам боль. Моя задача – убедить вас в серьезности наших намерений.

– В серьезности ваших намерений я не сомневаюсь, – так же тихо ответил Деметриос. – Что касается удовольствия, вы получаете его не столько от причинения мне боли, сколько от возможности делать это, – тут он наконец позволил себе улыбнуться, – с полным правом, если можно так выразиться. Ради таинственного Общего Дела. Наличие этого Общего Дела и стоящего за вашей спиной призрачного Хозяина – в психоанализе эта фигура называется Большой Другой – полностью освобождает вас от ответственности. Готов поспорить, спите вы очень хорошо.

Пауза.

– Боевые офицеры. – Квадратный покачал головой. – Где вы воевали, лейтенант? – Не получив ответа, выдернул нож из раны, обтер носовым платком и убрал в ножны. – Вам еще не надоело проливать кровь за чужое? Чужую землю, чужие идеалы.

– Разве сами вы поступаете иначе? – отозвался Деметриос.

Он сидел спокойно, прямо и так же прямо смотрел на человека из учебника геометрии.

– Сломать ему руку, босс? – подал голос один из стоящих сзади.

Тот с грохотом отодвинул стул и встал.

– Нет. Уходим.

И они ушли. Трое крутых парней, одураченных блондинкой. Вернутся? Обязательно. Они еще не все поняли про человека, машина которого умчала ее из центра Афин. Найти его было не очень трудно, тем более в Фивах, где он официально работал и проживал. Найти ее... что ж, пусть попробуют.

Слегка вздохнув, Деметриос посмотрел на порезанную руку. Кровь все еще текла. На темном дереве столешницы образовалась алая клякса. Некоторое время он молча, бесстрастно разглядывал ее, потом смачно выругался сквозь зубы и, облегчив, таким образом, душу, начал приводить в порядок плоть. Выдвинул нижний ящик стола, отыскал упаковку бумажных салфеток, прижал сразу несколько штук к саднящему порезу и направился в туалет, расположенный в конце коридора. Там долго стоял, держа руку под струей холодной воды. За этим занятием и застал его Филимон.

– Ясу, Деметриос!

Тот невольно улыбнулся. От этого греческого приветствия у него всегда теплело в груди.

– Ясу, Филимон.

– Я зашел в кабинет, увидел на столе кровь... – Филимон запнулся, увидев кровь еще и в раковине. Подошел ближе. Возле самого своего уха Деметриос услышал его отяжелевшее дыхание. – Кто это сделал?

Он не спросил «что случилось?», он спросил «кто это сделал?», с ходу отметая такие варианты как самоистязание и неудачное падение на кухонный нож, поэтому Деметриос не стал морочить ему голову:

– Парни, у которых были ко мне вопросы и которым не понравились мои ответы.

В помещении было уж точно не холодно, но его внезапно пробрала дрожь. Он почувствовал, что рубашка, влажная от пота, липнет к спине. Пот крупными каплями выступил и на лбу, и на висках.

Филимон внимательно посмотрел на него.

– Пошли отсюда, друг мой. Надо перевязать твою руку.

Пока он ходил в машину за аптечкой, Деметриос вытер влажным полотенцем кровь с письменного стола и медленно обвел взглядом кабинет, перебирая в памяти мельчайшие подробности произошедшего здесь двадцать минут назад разговора. Несмотря на отсутствие ярких, впечатляющих черт, он хорошо запомнил лица троих «гостей» и был уверен, что при случае сразу их опознает. Говорили они по-английски, без грубых ошибок, но с характерным акцентом, заставляющим подозревать в них славян.

– Судя по всему, обращаться в полицию ты не собираешься? – заходя в кабинет и плотно прикрывая за собой дверь, осведомился Филимон.

– Нет.

– Ты знаешь этих людей?

– Нет.

– Знаешь, на что они способны?

– Нет.

– Знаешь, что им от тебя нужно?

– Да.

– Но не выполняешь их требований.

– Нет.

Филимон шумно выдохнул, аккуратно поставил черный пластиковый чемоданчик на край стола и в горестном молчании воздел руки к небесам. Несколько секунд пребывал в абсолютной неподвижности – Деметриос наблюдал за ним с живым, непритворным интересом, – после чего глубоко вздохнул и решительно открыл чемоданчик. На его смуглом лице языческого идола, изборожденном глубокими морщинами, читались возмущение и беспокойство. Придвинув стул, он уселся, разложил перед собой салфетки, бинты, антисептик, вблизи осмотрел предплечье Деметриоса... и возмущение с беспокойством вытеснил гнев. Чисто греческий неукротимый гнев. Он громко выругался.

– Каждый соблюдает свой интерес, – пожал плечами Деметриос.

Этот философский комментарий не встретил ни малейшего сочувствия.

– Мне не нравится, друг мой, когда чужие люди соблюдают свой интерес на моей территории.

– Только не говори, что теперь это стало и твоим личным делом тоже.

Насупившись, Филимон приступил к оказанию медицинской помощи.

Пожалуй, они имели полное право называться друзьями. Вместе служили в Иностранном легионе, получали французское гражданство, принимали участие в боевых действиях, перебирались в Грецию. Точнее, перебирался Деметриос, а Филимон возвращался. Филимон был

грек до мозга костей. Более того, он был грек, стараниями которого Деметриос узнал правду о своем происхождении и выучил греческий язык.

Служба. Он смотрел на сильные, ловкие, коричневые от загара пальцы Филимона, и воспоминания наплывали сами собой... Казарма. Его, робкого новичка, молчаливого одиночку, вытряхивают среди ночи из постели, чтобы объяснить, кто царь горы. Толком не проснувшись, он автоматически наносит ближайшему агрессору левый боковой, который успешно проходит в челюсть и укладывает парня на серо-зеленый линолеумный пол, но после этого сам птичкой летит через весь проход и врезается спиной в стену. Врезается так, что искры из глаз. Трясет головой, чтобы разогнать туман. Отталкивается, разворачивается – свистящий смерч, состоящий из холодных белых огней, выносит из черепной коробки мысли, эмоции, вообще все, что сейчас не может помочь или может помешать, – встречает нового противника ударом в солнечное сплетение, едва успевает уклониться от... Нет, не успевает. Их слишком много – тех, кто решил провести среди него воспитательную работу. И очень скоро им удастся загнать его в угол. Остается одно – уйти в глухую защиту.

Вот он стоит: сведенные вместе предплечья прикрывают корпус, кулаки защищают голову, подбородок прижат к груди, все мышцы напряжены до предела. Он знает, что нужно использовать любую возможность, чтобы выйти из этого состояния, но пока не видит ни одной. Все меняется, когда стену нападающих пробивает одинокая массивная фигура и с тихой, злой методичностью начинает отправлять их в нокаут. Одного за другим, одного за другим. Благодаря этому своевременному вмешательству Деметриос, тогда еще Дмитрий, опять начинает дышать... еще немного погода – видеть... и наконец – атаковать.

– Ты не трус, это хорошо, – говорит его спаситель, когда он уже стоит, наклонившись над раковиной, и холодной водой смывает кровь с разбитого лица. – Но надо отработать приемы защиты. Я Филимон Мораитис, грек из Беотии. Могу быть твоим партнером, если не возражаешь.

– Не возражаю, – отвечает Дмитрий. – Спасибо.

Они выходят на улицу, под холодный свет звезд, и долго стоят на ветру, почти соприкасаясь плечами. Неизвестно откуда приходит безошибочное понимание, что вот этот хмурый грек, могучий как Геракл, станет отныне его лучшим другом. И вовсе не потому, что сегодняшнее происшествие свяжет их какими-то особенными покровительственно-благодарственными узами, а потому, что им всегда будет о чем поговорить, подумать, поспорить. И точно. Спорить они начинают сразу же, около здания казармы, и продолжают следующим вечером в зале для тренировок.

– Когда на моих глазах семеро, пятеро, пусть даже двое, нападают на одного, – с мрачной страстью вещает Филимон, и впервые английский язык кажется Дмитрию бедным и убогим, абсолютно не соответствующим темпераменту говорящего, – я иду и встаю с ним рядом, потому что двое на одного – это великая мерзость под солнцем, на которую честному человеку нестерпимо смотреть.

Проворный и ловкий, несмотря на свои габариты, он без особого труда загоняет Дмитрия в угол, моделируя ситуацию, подобную той, что имела место в казарме.

– Но ведь это делает его твоим должником, – замечает Дмитрий, уворачиваясь от тяжелого кулака. – Или не делает?

– Защищайся! – рычит Филимон. – Не прижимайся вплотную к стене. Держись от стены на расстоянии шага, понятно? Стой на месте и просто защищайся... Нет, не делает. Это я буду его должник, если пройду мимо.

Но Дмитрий не просто защищается. Иногда он позволяет себе контратаковать, на что партнер его реагирует одобрительным фырканьем.

– О'кей. Рассмотрим другую ситуацию. Когда не пятеро на одного, а один на одного, но весовые категории разные и степень подготовки – тоже.

– Я смотрю, кто искал этой схватки, – с непреклонной решимостью заявляет Филимон, как будто его мнение оспаривает целое собрание демагогов. – Кто ее начал: более сильный, более слабый или оба одновременно. Бывает, что более слабый вызывает на бой более сильного. Он готов быть побитым, покалеченным или даже убитым, но все равно идет и вызывает своего врага. В такое дело я не вмешиваюсь, потому что это дело чести. Ты когда-нибудь бился с тем, кто сильнее тебя?

– Я делаю это прямо сейчас, мать твою!

– Не зли меня, Дмитрий! – ревет Филимон, обрушивая на него очередную серию ударов. – Я тебе не враг! Защищайся. Еще! Стой, черт тебя подери! Держись на ногах. Внимательнее. Еще! Еще! Ты можешь.

Их поединки совсем не похожи на обычные тренировки. Это в самом деле жестко. Никаких поблажек. Теперь Дмитрию, привыкшему считать себя привлекательным внешне, плевать на собственную привлекательность. Теперь он все время ходит с разбитым лицом. Американец Гарри Додсон, инициатор того памятного нападения, ухмыляется – на всякий случай держась на безопасном расстоянии, – с такими друзьями врагов не надо. Он прав. Врагов не надо. Более того, сами враги тоже считают, что их не надо. И дело не только в том, что при малейших признаках конфликта с любым количеством участников за спиной худощавого русского тут же материализуется коренастый грек, но и в том, что сам русский загадочным образом изменился. В его движениях, походке, взгляде появилось нечто, заставляющее людей крепко подумать, прежде чем цепляться к нему.

Филимон хотел знать о Дмитрие буквально все. Он задавал миллион вопросов, считая, вероятно, что у друзей секретов друг от друга быть не должно.

– Что ты любишь больше всего в этой жизни?

– Свободу.

– Что ненавидишь больше всего? Чего не прощаешь?

– Себе или другим? – уточняет Дмитрий, понемногу приходя в себя после особенно трудного боя.

– И себе, и другим.

Ожидая ответа, Филимон смотрит на него взглядом инквизитора.

– Малодушия, – произносит он после небольшой паузы. – А ты?

– Все то же самое, брат. – Филимон протягивает лапищу, которой только что вышибал из него дух, и ласково касается его плеча. – Все то же самое.

В юности Дмитрия занимал вопрос, что же такое дружба. Однажды ему попалась книга, написанная христианским философом, чье имя вылетело у него из головы, в которой говорилось, что дружба начинается тогда, когда два человека вдруг обнаруживают, что видят одну и ту же истину. «Так не бывает», – подумал он и забыл о прочитанном. И вот, много лет спустя, вспомнил.

Вместе они прошли через Руанду, Джибути, пески Аравийского полуострова...

– Да, теперь это стало и моим личным делом тоже, – объявил Филимон, закончив перевязку. И свирепо уставился на своего друга. – Нравится тебе это или не нравится.

– Мне это не нравится, – улыбнулся Деметриос. Порез под бинтами еще немного побаливал. – Но я рад, что ты со мной.

Филимон ожесточенно потер пальцами висок.

– Когда я разыскивал для тебя информацию о твоей семье, я не предполагал, что ты захочешь... впрочем, ладно.

– А если бы предполагал?

– Ничего бы не изменилось. – Он развел руками. – Я продолжал бы разыскивать для тебя информацию о твоей семье. Твой выбор, друг мой. Но глупый старый Филимон спал бы спокойнее, если бы этот выбор оказался другим.

8

Иокаста слушала молча, не перебивая. И когда он закончил, не задала ни одного вопроса. Только фыркнула тихонько, как рассерженная кошка, откинулась на высокую спинку стула и, хмуря изящные черные брови, принялась вертеть между пальцев серебряную зажигалку. На ней было длинное трикотажное платье фиолетового цвета, такое темное, что при тусклом свете настольной лампы казалось черным, и кольцо из натурального жемчуга. Сидя напротив, Деметриос любовался нежным овалом ее лица с тонкими правильными чертами, длинными густыми ресницами, крошечными ямочками на щеках. Он видел, она злится, и это означало, что вскоре у них будет превосходный секс.

– Они пролили твою кровь, – тихо сказала Иокаста, и в голосе ее прозвучало злорадное удовлетворение. Глаза ярко блеснули. – Глупцы.

– Да, – кивнул Деметриос.

Медленно, очень медленно Иокаста протянула руку, он протянул навстречу свою, и пальцы их переплелись.

– Ты можешь переспать с ней, дорогой.

Он молчал.

– Нет, не так. – Иокаста на миг отвернулась, покусывая нижнюю губу. – Ты должен переспать с ней... Хотя нет... – Она рассмеялась, и смех был искренним, без всякой фальши. – Если ты захочешь переспать с ней, Деметриос, это будет хорошо для нашего дела.

– Я подумаю, – ответил он, пряча улыбку.

Свободной рукой он дотянулся до стоящего на краю стола пузатого графина и подлил вина себе и ей.

Иокаста сделала маленький глоток. Сквозь прозрачное стекло бокала засверкали рубиновые искры. Такие же искры, но не рубиновые, а фиолетово-лиловые, вспыхнули в глубине чуть прищуренных глаз. Хищная красота.

Увидев ее впервые на вечеринке по случаю рождения в семье мэра Мегары третьего сына, Деметриос ощутил мгновенную острую неприязнь, причина которой была ему не очень понятна. Он не любил диких кошек в человеческом обличье – слишком красивых, слишком хорошо сознающих свою красоту. Однако эта держалась просто и скромно. Внимательно слушала, улыбалась краешками губ. Ее длинное платье из бежевого джерси не скрывало достоинств фигуры, но и не обнажало больше, чем позволяли приличия. Ни украшения, ни макияж не выглядели вызывающе. Так в чем же дело?

А дело в том – ответил он самому себе, выходя на открытую террасу, где на нескольких круглых столиках были расставлены блюда со свежими и засахаренными фруктами, – что эта самоуверенная гарпия уже почти уложила тебя в постель. Ты чувствуешь ее желание так же хорошо, как собственное. Чувствуешь, но не собираешься удовлетворять. Это не значит, что у нее нет шанса. Сейчас она подобна канатоходцу – одно неверное движение... Что если дальше она будет делать только верные движения? Ты попросту сбежишь, герой?

Он кинул в рот кубик засахаренного ананаса. Медленно повернулся спиной к распахнутым дверям – вечеринка стремительно набирала обороты, – сделал несколько шагов к перилам ограждения, крепко взялся за них обеими руками, точно боялся упасть, скользнул равнодушным взглядом по раскинувшимся у подножия террасы цветочным клумбам.

Звук шагов. Неужели оно – первое неверное движение? Каблуки черных лодочек, выступающие ритмичное цок-цок по керамограниту. Аромат духов, заряжающий атмосферу теплого греческого вечера неистовыми страстями.

– Скучаете?

Обволакивающее коварство.

– Нет, мадам.

– Хм... Интересно, понимаете ли вы, что это весьма двусмысленный ответ, несмотря на кажущуюся прямоту? – Продолжая говорить, она подошла и остановилась с ним рядом. – Он может означать: «Нет, не скучаю, во всяком случае в вашем обществе не нуждаюсь точно, так что лучше вам убраться туда, откуда вы пришли». Или: «Нет, не скучаю, хозяева щедры и радушны, гости сыты и пьяны, словом, праздник удался». Какой вариант вы считаете более подходящим?

Деметриос почти улыбнулся. Губы дрогнули, но он быстренько навел порядок на своем лице.

– Второй.

– Замечательно, – прошептала Иокаста, вблизи разглядывая его профиль. – Что же привело вас сюда, на пустую террасу?

– Цветы. – Он повел рукой. – Это, если не ошибаюсь, амариллис?

Кажется, она удивилась. Растерянно посмотрела на прекрасные белые цветки в форме граммофонов на высоких стеблях, затем опять – слегка хмуря брови, – на Деметриоса.

– Амариллис, верно. А там, дальше, настурция и гиацинт. Устроить для вас экскурсию по саду?

– Лучше скажите, что привело сюда вас.

– Забота о гостях. Я родственница хозяина. – Внимательный взгляд Иокасты задержался на его груди, где под распахнутым воротом рубашки поблескивала золотая цепочка. – Что там у вас? Амулет?

Бестактный вопрос, но Деметриос неожиданно развеселился. Ох уж эти гречанки с их патологической правдивостью и любопытством лесных зверьков! Двумя пальцами он подцепил цепочку и извлек на свет божий византийский крест из белого золота.

– О! – воскликнула Иокаста. Глаза ее расширились. – Вы православный ортодокс?

Взволнованная, она подалась вперед, так что кожей руки он ощутил тепло ее дыхания.

– Сложный вопрос. Я ношу этот крест, потому что мне надела его мать, когда я уезжал из России. Таким образом, из символа любви к богу он превратился в символ материнской любви. Верующий ли я? И да, и нет. Я не верю ни в бога иудеев, ни в бога христиан, но в какого-то неведомого бога я, безусловно, верю, потому что в трудную минуту, подобно большинству смертных, мысленно взываю к силе, способной меня поддержать.

Он умолк, и некоторое время оба – мужчина и женщина – испытующе смотрели друг другу в глаза. Интуитивной вспышкой к нему пришло понимание, что она собирается сказать нечто важное. Важное для них обоих. Да, в эту минуту он впервые почувствовал общность с ней, чуть ли не родство. Опять же интуитивно выхватил из своего монолога ключевое слово – *неведомого* – на которое она отреагировала.

– Вы не думали о том, что на белом свете есть люди, для которых ваш неведомый бог неведомым не является?

Интонации ее голоса изменились. Теперь он звучал почти интимно. При этом лицо оставалось абсолютно бесстрастным, неестественно бесстрастным, как будто Иокаста смертельно боялась бушующих внутри эмоций и старалась убедить себя и собеседника в том, что их вовсе нет.

– Мадам, – заговорил после паузы Деметриос.

– Иокаста, – поправила она.

– Иокаста. – Он попробовал легендарное имя на вкус и увидел, наконец, что черты ее смягчились. – Вам нужен я или еще один адепт культа?

Она не стала изображать непонимание.

– Мне нужны вы.

– В каком же качестве?

– Пришла моя очередь признать, что вопрос ваш сложный. Я не уйду от ответа, но... – Она прикусила нижнюю губу. – Не знаю, поймете ли вы меня, захотите ли понять.

– Давайте рискнем, – предложил Деметриос.

В сосредоточенном молчании они спустились в сад и медленно, рука об руку, двинулись по дорожке, извивающейся среди олеандр. Вечернее благоухание всего, что могло цвести и благоухать, превратило этот чинный обход владений мэра в настоящее романтическое свидание. Длинные тонкие пальцы Иокасты обвились, точно змейки, вокруг запястья Деметриоса. Негромко, доверительно она повела свою речь.

– Я чувствую людей, Деметриос. Чувствую, как теперь модно говорить, их энергетику. Силу. Вот вы – власть имеющий. Вам об этом известно?

Он покачал головой. Скользнул взглядом по ее смуглому остроносому лицу.

– А вы?

– И я тоже. Мы с вами одной породы. Только ваш дар еще не раскрылся. Или раскрылся не настолько, чтобы стать очевидным для вас и для большинства.

Чем дальше они уходили от дома, из распахнутых окон и дверей которого на улицу выплескивались музыка, свет, радостно-возбужденные голоса, взрывы смеха и прочие звуки вечеринки, тем сумрачнее становилось в саду. То тут, то там, невидимые в кронах деревьев, сонно попискивали или вскрикивали тревожно и протестующее, ночные птицы. Деметриоса раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, он уже готов был погрузиться в атмосферу волшебства. Энергетика, дар, порода!.. С другой стороны, от всего этого ощутимо тянуло пошлостью. Чертовски назойливый душок бульварных романов, да.

– Я был бы вам очень признателен, Иокаста, если бы вы пояснили, о какой силе и о каком даре идет речь.

– Вы что-нибудь слышали о Девкалионе?

– Если не ошибаюсь, Девкалион – это мифический прачеловек, корабль которого после всемирного потопа причалил на Парнасе.

– Да. – Она ласково взглянула на него. – Из этого рода происходят хранители древней, очень древней... можно сказать, древнейшей в Европе религиозной традиции.

Внезапный холодок вдоль спины убедил его, что он не ошибся, заговорив о культе. В памяти всплыло прочитанное по следам долгих разговоров с Филимоном: «Дионис не просто опален дыханием бездны, он сам – живущий в бездне монстр. Монстр, от которого разбегаются волны дикого, опьяняющего возбуждения, однако безумный восторг пересекает режущая боль, и неистовое упоение жизнью растворяется в холоде вечной ночи»². Здание христианства в Греции выглядело красивым и прочным, однако стояло оно на фундаменте махрового язычества. Имя «величайшего из богов», «бога всех богов» было известно здесь всем, от мала до велика. «Я христианин, – гордо заявил Филимон и ударил себя кулаком в грудь. – Я принимаю Христа как бога. Но есть другой бог... с которым христианину лучше не встречаться, поверь». Деметриос был согласен не встречаться с упомянутым богом никогда в жизни, но у бога, похоже, было свое мнение на этот счет.

Иокаста говорила почти без умолку, изредка обращаясь к Деметриосу, чтобы проверить, успевает ли он за ее мыслью, и одобрительно сжимая его руку, когда он отвечал утвердительным кивком. Ощущение пошлости исчезло. На смену пришло любопытство. Вот она, реальная возможность совершить прыжок – но куда? Дело кончилось тем, что они поцеловались в кипарисовой роще, пронизанной лунным светом, а на следующий день Деметриос получил приглашение в дом, хозяин которого был известен как мизантроп, затворник, фанатик и вообще редкостный маргинал.

---

² Вальтер Ф. Отто. Дионис. Миф и культ.

– Вы приедете? – спросила Иокаста, позвонив ему по телефону как раз в тот момент, когда он, перечитывая текст приглашения, написанного жестким каллиграфическим почерком на плотной серебристо-серой бумаге, взвешивал все «за» и «против».

– Вы заинтересованы в этом, не так ли?

– Да, я заинтересована, – подтвердила она с той же вызывающей откровенностью, с какой заявила накануне «мне нужны вы». – Так вы приедете или нет?

– Да.

Ему послышался облегченный вздох.

– Вас встретят около ворот. Пожалуйста, ничего не бойтесь, просто делайте все, что будет велено, договорились?

– Все, что будет велено? – медленно переспросил он.

– Так надо, поверьте. Вы же не трус, лейтенант?

– Не знаю. Может, и трус.

– До встречи.

В трубке послышались короткие гудки.

Как и было обещано, его встретили около ворот. Три женщины в камуфляже. Высокие шнурованные ботинки на толстой подошве, широкие кожаные ремни с массивными пряжками, гладко зачесанные и убранные под черные бейсболки Security волосы... Пока он разглядывал их, опустив боковое стекло, они разглядывали его, и, судя по выражению лиц, увиденное их не особо вдохновляло.

– Херэте, мистер Сибирцев, – поздоровалась та, что стояла ближе всех. Дождалась ответного «херэте» и повела рукой в сторону распахнутых настежь ворот. – Вашу машину поставят в подземный гараж и подадут сюда же, когда мистер Галани вас отпустит.

Отпустит. Вот как. Коротко кивнув, Деметриос вышел из машины и подвергся тщательному досмотру на предмет наличия оружия. «Вы не возражаете?» – это был один из тех вежливых вопросов, которые задаются исключительно для того, чтобы на них ответили согласием. «Возражаю, – насмешливо отозвался Деметриос. – Но это ведь не имеет значения, так? Выбор предоставляется мне при условии, что я сделаю *правильный выбор*. Поэтому приступайте к исполнению своих обязанностей». На сей раз прикосновения женских рук удовольствия ему не доставили. Хотя в прежние времена он откровенно наслаждался, когда его спарринг-партнером в зале оказывалась молодая женщина. Впрочем, негативных эмоций он тоже не испытывал. Поза «руки на машину, ноги шире плеч» была не сказать чтобы привычной, но знакомой. Пройдя через армейскую мясорубку, ко многим вещам начинаешь относиться со снисходительной иронией.

Дом стоял среди старых кедров, почти совершенно скрывающих его от посторонних глаз, и выглядел, во всяком случае снаружи, стильно и современно, ничуть не устрашающе. Деметриос приготовился увидеть жилище графа Дракулы и теперь чувствовал себя даже несколько разочарованным. «Ничего не бойтесь», – сказала Иокаста. Интересно, чего тут можно бояться.

Андреас Галани принял его в библиотеке. Ступив на толстый кремового цвета ковер, Деметриос пережил любопытное ощущение – ощущение выхода на короткий срок из собственного тела и зависания выше и левее от него, с возможностью увидеть себя как постороннего. Еще один посетитель. Черные джинсы, немного потертые. Черная рубашка, слегка помятая, две верхние пуговицы расстегнуты, рукава закатаны до локтей. Едва уловимая небрежность во всем, начиная от позы и заканчивая одеждой. Уравновешенный? Вряд ли. На лице – отпечаток страстей. Это не значит, что он не умеет ими управлять. Безусловно, умеет. Но частенько позволяет себе отдаться на волю волн.

Легкой походкой хозяин дома приблизился к терпеливо ожидающему гостю и протянул руку для пожатия.

– Херэте, Деметриос. Благодарю за честь, которую вы мне оказали. Зовите меня Андреас. – Он дружелюбно улыбнулся. – Виски? Коньяк? Могу предложить французское гран крю. Прошу сюда...

Продолжая журчать, Галани обнял его за плечи и увлек по проходу между стеллажами. Там, в потаенных глубинах библиотеки, обнаружился на редкость уютный кабинет, обставленный антикварной мебелью из натурального дерева. На стенах – картины в тяжеловесных рамах. Старинная бронза, толстое граненое стекло, дуб, кожа, велюр... агрессивная роскошь.

– Вы сторонник умеренности, не так ли? – наполовину вопросительным, наполовину утвердительным тоном произнес Галани.

Деметриос решил, что пора подать голос.

– На моем лице вы прочитали осуждение?

– Ни в коем случае. На вашем лице осуждения нет. Там вообще ничего нет, и меня это, признаться, огорчает.

– Меня учили держать свои чувства при себе.

– Я знаю, – кивнул Галани. – Располагайтесь.

Сидя по разным сторонам громадного кожаного дивана, они пили из пузатых рюмок ароматный коньяк и присматривались друг к другу. Моложавость Галани, так же как и мягкость, была обманчивой. Он выглядел как преподаватель колледжа или университета, старающийся не слишком отличаться от студентов – гладко выбритое лицо, тщательно уложенные волосы с легкими проблесками седины, подтянутая фигура, – но чересчур резкие, мимические морщины и тяжелый взгляд выдавали возраст и вполне определенный характер. Деметриос почти не сомневался, что он злопамятен, жесток и, возможно, сластолюбив.

– Вы воевали. – Сказано без одобрения, но и без осуждения. – Воевали на чужой земле. Зачем вам это понадобилось?

– Я подумал, что смогу делать эту работу, – ответил Деметриос абсолютно честно. – Так оно и оказалось. Почему именно эту? Еще будучи волонтерами, мы откровенничали друг с другом на центральной базе в Обани. Кто-то чувствовал себя не вполне мужчиной и завербовался в Иностраннный легион с целью повысить самооценку. Кто-то скрывался от закона и мечтал начать жизнь «с чистого листа». Кого-то привлекал стабильный заработок, кого-то – возможность не принимать самостоятельных решений, жить, подчиняясь приказам. – Он посмотрел Галани в глаза, отметив, что они необычно светлые для грека. – Я же сделал свой выбор, увидев сон... – Он чуть усмехнулся. – Могу рассказать, если желаете.

– Да, мне интересно.

– Пустыня. Мелкий серый песок, забивающийся под ногти, под веки, оседающий на коже и на волосах. Палящее солнце, мгновенно испаряющийся с кожи пот, неутолимая жажда, неукротимый гнев – это движется войско, большое войско, но мне не известно куда и зачем. Я шагаю в толпе – ибо то, что мы собой представляем, больше похоже на толпу, чем на строй, – переставляю ноги, шаг за шагом, как робот, доставленный космическим модулем на поверхность неисследованной планеты. Бесчувственный. Бессловесный. Подошвы сапог вязнут в песке.

На мгновение он отвлекся, потому что друг за другом в кабинет проскользнули и расселись по углам женщины в футболках цвета хаки и камуфляжных штанах. Очень тихо. Сели и застыли, глядя на говорящего так внимательно и серьезно, как будто он не пересказывал сон, а читал им лекцию по матанализу. Одинаковая одежда в известной степени скрадывала их индивидуальность, но Деметриос видел много людей в униформе и научился обращать внимание только на то, что действительно заслуживало внимания.

– На фоне ультрамаринового неба рисуются четкие грифельные контуры зубчатых стен, островерхих крыш, башен, минаретов. Это город, слава бессмертным богам, не мираж. Город в сердце пустыни. Город, который нам предстоит взять. Битва... – Деметриос сжал губы и

несколько минут сидел молча, переводя взгляд с одного женского лица на другое. Все до единой гречанки. Все до единой красавицы. – Мы бьемся спина к спине... без отдыха, без еды, без питья... от рассвета до заката и от заката до рассвета. Скрежет стали, предсмертные вопли, стоны тяжелораненых, топот ног, хриплые отрывистые команды. Горький запах пота, соленый вкус крови. Страх, горе и смерть. – Он посмотрел на Галани. – Вы видели вблизи колотые или резанные раны?

Тот поджал губы.

– Да.

– В таком случае не буду утомлять вас подробностями... Поскальзываясь на залитых кровью камнях, мы бежим – я и со мной еще двое – к большому храму на центральной площади города. Храм стоит на холме, и нам приходится преодолевать десятки, сотни ступеней... им не видно конца... чтобы войти внутрь и отыскать ключ. Да, ключ. Что за двери он отпирает? Не знаю. Знаю только, что этот ключ мне совершенно необходим. Несмотря на то что я ни разу его не видел и понятия не имею, как он выглядит, я уверен, что узнаю его, как только найду. Мои спутники измучены и напуганы. Я слышу их учащенное дыхание и чувствую страх, парализующий страх. Они не хотят спускаться в подземелье храма, а нам нужно именно туда – там, в сокровищнице ордена, есть шанс отыскать таинственный ключ. Вход в подземелье находится за алтарем, под тяжелой каменной плитой, откинув которую...

– В сокровищнице ордена? – перебил Галани. – Простите. Члены какого ордена были хранителями искомого ключа?

Он вдруг начал нервно помаргивать, как будто ему попало что-то в глаз.

Деметриос покачал головой.

– Я не задавался этим вопросом – ни во сне, ни наяву.

– Вы видели их? – спросила одна из женщин.

– Помолчи, Леонора, – сердито одернула ее другая. – Пусть расскажет все до конца.

Собравшиеся придавали его словидению столь великое значение, что Деметриоса разобрав смех. Он, конечно, мог бы сдержаться, но вспомнил все эти «пожалуйста, ничего не бойтесь», «когда мистер Галани вас отпустит» и ухмыльнулся во весь рот. Поставил на край журнального столика рюмку с недопитым коньяком, откинулся на спинку дивана, положил ногу на ногу. Несмотря на кажущуюся расслабленность, даже расхлябанность позы, он был готов сорваться с места в следующую же секунду, и по глазам своих экзаменаторов видел, что они это понимают.

– Я расскажу все до конца, – не переставая ухмыляться, заявил Деметриос, уверенный, что его тихий голос будет услышан в самом дальнем углу кабинета. – Но только после того, как вы объясните что здесь происходит.

Тут случилось забавное: все женщины как одна выпрямились и устремили взоры на Андреаса Галани. Напряжение звенело в воздухе натянутой струной. Сам Галани не смотрел ни на кого, его светлые глаза выключились и потускнели, что свидетельствовало, вероятно, о полном погружении в собственные мысли. Приоткрытый рот, повисшая кисть руки... Минуту спустя он встrepенулcя.

– Видите ли, Деметриос, мы решили сделать вам предложение и сейчас пытаемся выяснить, стоите вы того или нет.

Медленно, как динозавр из мультика, он повернул голову и уставился на своего собеседника немигающим взглядом. На краткий миг у Деметриоса возникло странное ощущение, что волосы на затылке зашевелились. Он поднял руку, быстрым движением описал в воздухе перед своим лицом полукруг. Ощущение шевеления волос исчезло.

Брови Галани поползли вверх.

– Как вы это сделали?

– Сделал что?

Галани пристально смотрел ему в лицо.

– Вы знаете.

Вместо ответа он задал свой вопрос:

– Вы можете выяснить, чего стоит человек, по содержанию его сновидений?

– Есть и другие способы, – ответил спокойно Галани, – но они более трудоемкие.

В помещении работал кондиционер – почти неслышное жужжание, едва уловимые струи холода по щекам, – но отсутствие окон заставляло думать о духоте. О духоте как нереализованной возможности, реализация которой – всего лишь вопрос времени, ибо кондиционеры не вечны. Поймав себя на этих бредовых размышлениях, Деметриос опять усмехнулся. Он отдавал себе отчет в том, что его гримасы тянут на вызов, на провокацию... что ж, потанцуем.

– Мы беремся за большое чугунное кольцо, поднимаем плиту и друг за другом ступаем на винтовую лестницу с крутыми щербатыми ступенями, конца которой не видно, он тонет в чернильной темноте. – От него не ускользнуло, что у многих женщин вырвался облегченный вздох, когда он продолжил свой рассказ, а глаза Галани опять заблестели. – Идущий впереди держит в поднятой руке факел, но света очень мало. Кажется, окружающая тьма, зловещая и вязкая, поглощает свет, обступая нас со всех сторон. И вот случается то, чего мы все в глубине души опасаемся, – один из нас, замыкающий, спотыкается и с воплем летит вниз. Затем крик резко обрывается. Все. Ухватиться не за что, так как лестница не имеет перил. Мой единственный уцелевший спутник останавливается и целую минуту стоит, ни в силах сдвинуться с места, молча глядя вниз. На лице его написан смертный ужас, а руки так дрожат, что я вынужден забрать у него факел. Без света нам не выбраться из подземелья никогда. – Он передохнул и, стараясь смотреть только на свою рюмку, продолжил. – Теперь я иду первым, освещая ступени. Они выглядят так, словно по ним сотню лет назад пронеслось стадо обезумевших мастодонтов и с тех пор не ступала нога ни человека, ни зверя. В другое время и в другом месте мы наверняка осыпали бы эти разбитые ступени проклятиями, но сейчас двигаемся молча, и это молчание тоже свидетельствует о нашем страхе. Наконец шестое или не знаю какое по счету чувство подсказывает мне, что конец близок. Конец лестницы, но не конец пути. Последняя ступенька оказывается самой высокой, нам приходится прыгивать на серые каменные плиты пола, после чего, пройдя еще некоторое расстояние по узкому коридору, стены которого покрыты пылью, напоминающей паутину, мы попадаем в громадный подземный зал со множеством арочных проемов по периметру. Проемов, ведущих в другие коридоры, к другим лестницам... Мы понимаем, что это лабиринт.

– Извините, – шевельнулся Галани, – я вас перебыю. Насколько хорошо вы ориентируетесь в незнакомом месте, чувствуете направление? В тех случаях, когда нет возможности посмотреть на звезды или на деревья.

– Вы хотите знать, сумею ли я наяву выбраться из ловушки, подобной той, в какую угодил во сне? Да, сумею.

– Я верю вам. Рассказывайте дальше.

– Стоя посреди зала, я растерянно озираюсь по сторонам, пытаюсь выбрать из имеющихся коридоров один, при колеблющемся свете факела разглядывая стены по обе стороны от каждого проема, фрагменты пола и потолка, ища подсказку, напрягая память. Одна из плит пола привлекает мое внимание. Присев на корточки, я разгребаю ладонью пыль вперемешку с мелкими камнями, и перед глазами появляется надпись... нет, скорее... впрочем, не знаю. Несколько букв, похожих на арабские. Но не арабские. Арабские я бы узнал.

– Вы запомнили их? Эти буквы из сна.

– Нет... Однако во сне у меня возникает уверенность, что именно этот коридор приведет нас в сокровищницу. Я выпрямляюсь и, обернувшись к своему спутнику, вижу не только его, но и бегущих через зал напрямик к нему черных псов с горящими глазами. Они не особо похожи на псов, но на других известных мне тварей похожи еще меньше, поэтому мысленно я называю

их псами. У них грубая шерсть, вытянутые морды, острые уши и зубы, как у акул. С криком я устремляюсь вперед, надеясь, что огонь отпугнет исчадий ада, но бегу недостаточно быстро, как это часто бывает в кошмарных снах, и, в конце концов, второй мой спутник тоже гибнет на моих глазах. Пока черные бестии дружно рвут его на части, я успеваю спастись в коридоре, вход в который отмечен загадочными буквами. По неизвестной причине они не рискуют преследовать меня там и остаются кружить, злобно завывая, царапая стены по обе стороны арки. В этом коридоре паутины нет. Сухо и чисто, как в дворцовых покоях. Что? Приходилось ли мне бывать в дворцовых покоях? Да, во сне я четко осознавал свою принадлежность к некоей элите. Не по должности, не по званию, а... так сказать, по происхождению. Итак, после долгих утомительных блужданий по лестницам, коридорам, галереям и переходам я обнаруживаю себя в круглом зале с круглой же чашей фонтана посередине. Вода низвергается в чашу из большого каменного цветка, плеск ее действует умиротворяюще. Вокруг стоят сундуки, множество сундуков самых разных форм и размеров. На некоторых висят замки, другие, похоже, не заперты. В глубокой задумчивости я перевожу взгляд с одного сундука на другой, но не прикасаюсь к ним, не пытаюсь открыть. Что-то подсказывает мне, что ключ следует искать не среди золота и драгоценных камней. Плеск воды напоминает о пыли, покрывающей меня с головы до ног, и я подхожу к чаше – кажется, она изготовлена из мрамора, – чтобы умыться и напиться. Наклоняюсь и вижу свое отражение. После минутного колебания протягиваю руки, набираю холодную прозрачную воду в сложенные ковшиком ладони. С наслаждением умываюсь. Жадно пью, смеюсь от удовольствия и тихо шепчу, обращаясь неизвестно к кому: «Спасибо. Спасибо». Обхожу фонтан по кругу. Лицо и руки мокрые, вода капает с подбородка на грудь. Почему я уверен, что имею право на этот ключ? Не знаю. Уверен и все. Мое внимание привлекает книга в золотом окладе, лежащая на одном из сундуков. Направившись к ней, я замечаю, что по полу рассыпаны монеты, целые горы монет, переступаю через них, сосредоточенно разглядываю орнамент на пластинах из чистого золота, однако взять книгу в руки не тороплюсь. Вернее, у меня даже мысли такой не возникает. Из всего, что находится в этом помещении, мне принадлежит только ключ. Внезапно позади меня раздается громкий всплеск, и, обернувшись, я вижу змею, поднявшуюся из чаши фонтана. Ее кошмарная плоская голова с глазами, сверкающими точно бриллианты, висит на уровне моих глаз. Я слышу – не спрашивайте как – обращенный ко мне вопрос. Хранитель сокровищ желает знать, какого черта мне нужно. Почтительно я отвечаю – и опять не спрашивайте как, – что мне нужен ключ. Только ключ, и больше ничего. Сознание мое распахнуто настежь, и хранитель точно знает, что я не лгу. Я не позарился ни на монеты, ни на камни, не посягнул на содержимое стоящих вокруг сундуков – по этой причине он решает сохранить мне жизнь. Медленно, величаво он уходит под воду и спустя несколько минут появляется, держа в зубах ключ. Протянув руку, я подставляю раскрытую ладонь. Змеиная голова совсем рядом. Тихо, тихо... осторожно... И вот уже я сжимаю повлажневшими от волнения пальцами драгоценный ключ. Он не похож ни на один из ключей, виденных мною ранее. Стоит моргнуть, сменить угол зрения – и это не ключ уже вовсе, а нож, рукоять которого напоминает... – Деметриос закрыл глаза, нахмурился, напрягая память, – существо с крыльями, телом человека и головой льва, вокруг которого спирально поднимается вверх змея.

– Айон! – раздался неожиданно громкий возглас.

Он открыл глаза. Одна из женщин, высокая, статная, настоящий воин с бюстом третьего номера, вскочила со своего места и шагнула вперед. Сидящие неподалеку командос встревоженно переглянулись, но промолчали.

– Да, – кивнул невозмутимо Галани. У него, в отличие от остальных, был вид человека, который слышал то, что и ожидал услышать. – Айон, солнечный бог, высший из митраистских богов, созидающий и разрушающий все на свете, символ бесконечного времени и долговечности.

– Солнечный бог, – пробормотал Деметриос, обращаясь словно бы к самому себе. – Аполлон?

– Вы мыслите в правильном направлении, – одобрительно заметил Галани. – Лев – зодиакальный знак, в котором солнце находится летом, змея же символизирует зиму и сезон дождей.

– Дионис.

– Дети одного отца. Вы правы, друг мой. Айон, этот львиноголовый бог, обвитый змеей, также символизирует единство противоположностей: света и тьмы, созидания и разрушения, мужского начала и женского. Ключи Айона – это ключи от прошлого и от будущего.

– Ключи, – задумчиво повторил Деметриос. – Значит, есть еще один ключ?

– Верно.

– И теперь я должен найти его? Второй ключ.

– Да.

Вот он, момент истины. Сейчас или никогда – так, кажется, говорят герои приключенческих романов, собираясь сделать Самую Большую Глупость в своей жизни.

– Я готов.

Его безмятежный вид озадачил их, опять начались переглядки, но поскольку нужные слова прозвучали, медлить было нельзя. У него ведь мог включиться здравый смысл – и как тогда втянуть его в задуманное бредовое мероприятие? Обе стороны понимали, что, соглашаясь на «поиски ключа», он превращает призрачную возможность в событие величайшей важности, но в чем состоит эта важность, было известно только одной стороне. Почему асимметричность позиций его не остановила? Позже он пытался реставрировать свои воспоминания, однако решающий момент, момент выбора, упорно ускользал. В голове тихо пело «вперед, вперед», и Деметриос шел без всяких рассуждений.

Вели его четыре женщины, вооруженные электрошокерами и полицейскими дубинками. Мимо книжных стеллажей, достигающих потолка... коридором с бетонными стенами... мимо дверей, ведущих в явно нежилые помещения, возможно, склады или мастерские... лестничными маршами вокруг шахты лифта, обнесенной металлической решеткой... на этой-то лестнице он и устроил провокацию. Резко подался назад, ударом локтя вывел из строя шедшую за ним следом конвоиршу, сгреб в охапку ту, что шла справа, чтобы прикрыться от той, что шла слева, отключил свою «ширму» коротким ударом в висок, аккуратно усадил на ступеньку, прислонив спиной к стене, быстро выпрямился – и больше уже ничего не видел вплоть до той минуты, когда очнулся в пустом квадратном помещении, похожем на бетонную коробку, на жестком холодном полу.

Шевельнулся, скривился. Мысленно выругался. По всей правой половине туловища расползлось болезненное онемение. Рука слушалась плохо. Судя по всему, одна из дамочек достала его электрошокером.

Перекатившись без звука, Деметриос встал на ноги. Огляделся. Коробка, в которую его поместили, точно насекомое, освещалась шестью маленькими круглыми лампочками, встроенными в панели подвесного потолка. Шершавые серые стены, такой же пол. Холод. Даже свет холодный.

Не успел он задать себе вопрос, что все это значит, начался кошмар. Вместо лампочек включили стробоскоп, причем со звуковым сопровождением, как на молодежной дискотеке. Назвать эти звуки музыкой было невозможно, впрочем, если бы до Деметриоса дошли слухи, что именно такая музыка играет в аду, он бы поверил. Авангард? Тяжелый металл? Хватит, хватит, я все скажу... но не тут-то было.

В двух шагах от себя при помощи внутреннего радара, который частенько заменял ему зрение, он засек человеческую фигуру. Так, что у нас здесь? Мужчина, крупный и подвижный. И явно намеревающийся атаковать. За вспышками синего, зеленого и фиолетового Деметриос разглядел боевую стойку, из которой уже пошел удар. Без промедления он поставил блок и

одновременно ударил сам. Бой без правил. Бой не на жизнь, а на смерть. Ему приходилось участвовать в таких.

Противник был силен. Быстро и плавно переходил из стойки в стойку, все время принимая правильные положения, благодаря чему в его защите практически не имелось «дырок». Изредка образующиеся – силен не значит совершенен – он молниеносно прикрывал. Однако «дырки» были всегда одинаковыми: происходило чрезмерное удаление рук либо от лица, либо от солнечного сплетения. Помня об этом, стараясь работать в режиме нападения, а не в режиме защиты, Деметриос дождался момента, когда незнакомец вновь допустил ожидаемую ошибку, к тому же оказавшись на нужной дистанции, – и нанес ему точечный удар по глазам. Есть! Тот покачнулся, затряс головой. Кажется, у него начались проблемы со зрением. Теперь по коленному суставу... Вопль бедолаги был бы слышен на другой окраине города, если бы не стены. Вот и все. Катающийся по полу со сломанным коленом и орущий, как женщина в родах, он был абсолютно безопасен.

Деметриос попятился, переводя дыхание. Все? О нет... Новые спецэффекты заставили его вздрогнуть. Оглушающая музыка сменилась воем сигнальной сирены, разноцветные сполохи – дымным полумраком. Работать в задымленном помещении он был обучен, но сейчас уже слишком устал, чтобы радоваться. Короткий поединок с врагом номер один измотал его, потребовав предельной концентрации воли и сил. И тут из серых клубов дыма выпрыгнул враг номер два. Его правая рука прочертила в воздухе сверкающую дугу. Тусклый опасный блеск. Блеск стального лезвия.

Лишь несколько мгновений спустя, когда поверженный враг со стонами отползал прочь, Деметриос осознал, что в точности повторил номер Годзо Сиоды, описанный самим мастером в одной из книг. Всякая мыслительная деятельность прекратилась. При виде оружия тело рефлекторно пришло в движение, избавив Деметриоса от необходимости думать и выбирать. Именно телу, выполнившему моментальный вход *ирими*, удалось избежать удара ножа, затем вытянуть раскрытую руку нападающего своей правой рукой, а левой нанести *уракен* – удар тыльной стороной кулака – чуть ниже его носа. Если бы в данной ситуации решение принимала голова, Деметриос был бы уже мертв. На такой дистанции ожидать иного не приходилось. Теперь же оставалось только подойти и перерезать горло врагу его собственным ножом. Чик! По бетонному полу потекла кровавая река. Время человеколюбия прошло.

Тяжело дыша, он поднялся на ноги. Разжал пальцы, чтобы осмотреть рукоять ножа. Он ощущался как нечто необычное – необычными были и вес, и форма, и рельеф. А нож ли это вообще?

Загудели невидимые машины и механизмы, помещение очистилось от дыма, вспыхнул свет, и Деметриос увидел три вещи одновременно: тело своего мертвого врага, простертое на полу в луже крови, тело своего живого врага, корчащееся в дальнем углу, и нож, на рукояти которого было изображено крылатое существо с телом человека и головой льва, обвитое змеей.

Нож. Ключ.

Ключ?..

Одна из стен отъехала назад, и через образовавшийся проем в бетонный бокс друг за другом проникли Андреас Галани, Иокаста и те же самые дамочки, которые привели его сюда. Дамочки были мрачнее тучи. Андреас улыбался до ушей. Иокаста не скрывала любопытства. От Деметриоса не ускользнул быстрый взгляд, который она бросила украдкой на мертвеца. У нее даже рот приоткрылся, мелькнули влажные белые зубки.

Никогда еще он не видел ее такой красивой. Высоко подобранные темные волосы, натянутая в черную кожу стройная фигура: узкие брюки и приталенный жилет. Под жилетом – белая шелковая блузка с маленьким кружевным воротничком. Очень скромно и невообразимо сексуально.

– Bravo, дорогой мой! Bravo! – Галани устремился к нему с таким видом, точно собирался заключить в объятия, и Деметриос машинально сделал шаг назад. – Я в вас ни минуты не сомневался!

Зря он так решительно пошел на сближение. Предостерегающе сверкнув глазами, Деметриос стал в стойку. Нож он сжимал в левой руке.

– Вы левша? – тихо спросил Галани, останавливаясь на всем скаку и глядя теперь уже не на лицо его, а на нож.

Деметриос не ответил. Его еще не отпустило, мышцы оставались эластичными, кровь – горячей. Он был спокоен, собран и готов к поединку хоть с хозяином дома, хоть с хозяином преисподней. Устал заметно, да. Но был готов.

Держась на расстоянии, Галани внимательно разглядывал его, как будто видел впервые.

– Да, вы умеете убивать. – Голос, упавший до шепота. – Меня вы тоже смогли бы убить? Знаю, смогли бы... Деметриос! Деметриос!

Этот призыв заставил Деметриоса улыбнуться.

«Авессалом! Авессалом!»

– Мы не враги, поверьте, – взывал Галани. – Напротив, мы здесь, чтобы предложить вам стать одним из нас.

На лице его появилось странное и неуместное, почти умоляющее выражение.

– Вы нужны нам, Деметриос, – добавила Иокаста.

Деметриос разжал губы.

– Кому это «нам»? Кто вы такие?

Иокаста посмотрела на Галани, точно испрашивая разрешения, и тот молча кивнул.

– Помните наш разговор в саду? – Медленно и осторожно она сделала шаг вперед. Потом еще шаг. Так приближаются к хищному зверю или к человеку, который внезапно сошел с ума. – Вы сказали, что верите в бога, но что это за бог, не знаете.

– Да, помню.

– Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам...³

Деметриос уставился на нее широко раскрытыми глазами. Цитата поразила его, потому что он отлично знал откуда она.

– Это сказано про Христа.

– Это сказано, – подойдя вплотную, Иокаста бесстрашно взяла его за правую руку, – про того бога, в которого верите вы, про того, в которого верим мы, и про того, в которого верил апостол Павел. Это один и тот же бог.

Они стояли так близко друг к другу, что Деметриос чувствовал запах ее кожи, слышал биение пульса. Незнакомая, но уже не чужая... Выбившаяся из прически прядь волос извивалась вдоль щеки тонкой черной змейкой. Фиолетовая темень глаз затягивала, как трясина. С трудом он заставил себя вынырнуть из этих волшебных глубин и посмотреть на нож.

– Да, – кивнула Иокаста. – И этот тоже.

Лик бога, попирающего ногами земной шар, казался непроницаемо-жутким. Но чем больше Деметриос смотрел на него, тем явственнее смягчались вырезанные из красного дерева черты. В них проступили сочувствие, лукавство... Пора принимать решение.

Сжав пальцы на рукоятке ножа, он поднял голову. Пять женщин и мужчина выжидающе смотрели на него, заряжая воздух невысказанными мыслями и невыраженными эмоциями. Деметриос поймал себя на том, что вполне серьезно ждет, когда засверкают молнии. Он слегка вздохнул.

– Вернитесь домой, Деметриос, – почти беззвучно произнесла Иокаста. – Продолжите дело ваших предков.

---

³ Деяния апостолов 17:22–23.

Молния все-таки сверкнула, когда Деметриос ответил:

– Я согласен.

Все женщины, включая Иокасту, низко поклонились.

Приложив руку к груди, Андреас Галани прочувствованно заговорил:

– Спасибо, друг мой. Спасибо. Возможно, вам показалось, что мы несколько превысили пределы допустимого...

Деметриос посмотрел на то место, где лежал труп. Его уже убрали. Убрали обоих – и убитого, и раненого. На бетонном полу глянцевито поблескивала кровавая лужа.

– Я убил вашего человека.

Галани кивнул.

– Мы надеялись, что вы его убьете. Ваша гибель расстроила бы нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.